Васильев
Что такое трудовики
Спб., 1907

Н. П. Васильевъ

ЧТО ТАКОЕ ТРУДОВИКИ?

ИЗДАНІЕ ТРЕТЬЕ.

Цѣна 10 коп.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
1907

Н. П. Васильевъ

ЧТО ТАКОЕ ТРУДОВИКИ?

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
1907

 Типографія А. С. Суворина. Эртелевъ пер., д. 13

I.

Что такое «трудовики»? По ихъ собственному опредѣленію, это та группа депутатовъ бывшей Государственной Думы, которая образовалась, въ противовѣсъ кадетамъ, съ цѣлью явиться въ Думѣ «выразительницею интересовъ трудящихся массъ». По словамъ же самихъ трудовиковъ, эта группа состоитъ, во-первыхъ, изъ крестьянъ, во-вторыхъ, изъ рабочихъ, въ-третьихъ, изъ трудовой интеллигенціи. По партійному подсчету, несомнѣнно преувеличенному, группа располагала въ Думѣ 120 голосами. По существу, если опять-таки основываться на заявленіяхъ самихъ трудовиковъ, эту группу едва ли даже можно назвать партіей въ строгомъ смыслѣ слова. Это, какъ заявляютъ сами трудовики, не партія, а «союзъ всѣхъ лѣвыхъ, истинно демократическихъ (въ отличіе отъ кадетовъ, какъ не-истинно демократическихъ) элементовъ Думы, въ каковой вошли и немногіе соціалъ-демократы, попавшіе въ Думу, и соціалисты-революціонеры, занявшіе въ этомъ союзѣ довольно видное мѣсто, и, наконецъ, всѣ безпартійные радикально-соціалистически настроенные депутаты Думы».

Но все это только внѣшняя сторона вопроса. Внутренняя—совсѣмъ въ иномъ. Въ такомъ огромномъ, но

мало культурномъ государствѣ, какъ Россія, давно уже долженъ былъ опредѣлиться тотъ особый типъ полуинтеллигентнаго разночинца, преимущественно недоучки, который слагается изъ слѣдующихъ составныхъ частей: 1) природныхъ способностей, развитіе которыхъ, за бѣдностью или вслѣдствіе отсутствія выдержки, даваемой только систематическимъ воспитаніемъ, остановилось на полдорогѣ; 2) необыкновеннаго самомнѣнія, явившагося результатомъ естественнаго господства въ предѣлахъ своего муравейника, уже совершенно некультурнаго; 3) необузданнаго дерзанія, какъ законнаго дитяти отъ сочетанія полуобразованія съ самомнѣніемъ; и 4) ненависти ко всему, что почище, побѣлѣе, потоньше, той ненависти, безъ которой и обыкновенное самомнѣніе и необузданное дерзаніе сразу потеряли бы всякій смыслъ и всякое оправданіе.

Эти люди не вчера появились. Но пока ничто въ русской жизни не давало имъ возможности возвышать голосъ, они или постепенно перегорали на огнѣ собственной ненависти, или, удачно воспользовавшись той или иной случайностью, благополучно переживали неизбѣжный для каждаго изъ нихъ кризисъ и переваливали границу, отдѣляющую полуголодное существованіе отъ безпечальнаго житія, или, наконецъ, бросались въ омутъ террористическихъ затѣй и гибли на эшафотѣ, на каторгѣ, въ тюрьмахъ. Изъ нихъ, т. е. изъ этой именно категоріи людей, выходили, съ одной стороны, террористы и агитаторы, съ другой — корреспонденты-обличители и такъ называемые безпокойные люди губернскихъ и уѣздныхъ русскихъ городовъ, и, съ третьей стороны,—всякаго рода ловкіе господа, умѣвшіе накапливать состоянія, являться экономической грозой для цѣлой округи, иногда даже клавшіе основаніе новой «фамиліи», если, впрочемъ, обстоятельства не приводили ихъ слишкомъ рано на скамью подсудимыхъ.

По происхожденію, они или крестьяне, или мѣщане, или изъ духовнаго званія. Обыкновенно при помощи «благодѣтелей» они проходили среднюю школу. Большинство не кончало ее, немногіе добирались до университета, только единицы получали дипломы. Но природныя способности брали свое, и недостатокъ систематическаго образованія замѣнялся даже излишествомъ безсистемнаго чтенія. Иными словами, на одно зло наслаивалось другое. Но наши герои были другого мнѣнія. Они, наоборотъ, пріобрѣтали убѣжденіе, что съ такой начитанностью, какъ у нихъ, можно уже весь міръ перевернуть, только бы представился случай.

Все равно, куда бы жизнь ни толкнула такого господина, вездѣ одинаково онъ только и ждалъ именно этого случая. Фельдшеръ ли онъ, ветеринаръ ли, землемѣръ, конторщикъ, волостной писарь—всѣ помыслы, вся воля и вся энергія были направлены только въ эту точку. А случаевъ въ русской жизни, этой до сихъ поръ еще классической странѣ случайностей, сколько угодно. Но только случаи-то эти разные. Заѣхалъ въ городъ или село барскій сынокъ и наговорилъ чудесъ о томъ, что въ Петербургѣ уже почти все въ рукахъ «исполнительнаго комитета», революціонной дружины—одинъ случай. Подвернулся играющій въ оппозицію предсѣдатель уѣздной управы, предлагающій «посильно освѣтить» крестьянамъ ужасъ ихъ положенія—другой случай. Встрѣтилась богатая купеческая вдова—третій случай. Завязались пріятельскія отношенія съ правителемъ канцеляріи губернатора—четвертый случай. Оказался безвольный, дряблый уѣздный предводитель или теоретикъ соціализма старшій врачъ больницы—пятый случай. Встрѣтился ловкій адвокатъ, который нуждается въ обличителѣ администраціи или просто въ рекламѣ—шестой случай. И т. д., и т. д., до безконечности.

Происхожденіе, нужда, неувѣренность въ завтрашнемъ днѣ, полуобразованіе и хаосъ изъ обрывковъ недочитаннаго и недодуманнаго, и, наконецъ, какой-либо изъ этихъ случаевъ,—и вотъ жизнь героя опредѣляется.

Какъ мы сказали, большое значеніе имѣетъ также и критическій моментъ, т. е. тотъ переломъ жизненной линіи, до наступленія котораго человѣкъ можетъ еще пойти различными путями, но послѣ котораго онъ пойдетъ непремѣнно даннымъ путемъ. Этотъ кризисъ наступалъ у нашего героя раньше или позже, въ зависимости опять-таки отъ случая. Но онъ непремѣнно наступалъ, когда нашъ герой начиналъ уже задыхаться отъ своей бѣдности, отъ сознанія своего зависимаго положенія, отъ вида людей, которые глупѣе его, но живутъ лучше, отъ увѣренности, что судьба рѣшительно несправедлива къ нему. Случай, попадая въ такой моментъ и на такую почву, рѣшаетъ все дѣло.

«Освободительное движеніе» было, такъ, сказать общимъ для всѣхъ такихъ людей случаемъ. Нельзя даже сказать, что имъ воспользовались самые даровитые и самые энергичные изъ нихъ. Въ классической странѣ случайностей и этотъ случай былъ использованъ только случайно. Кому пришлось, тотъ и воспользовался. Но, конечно, этотъ случай сразу всколыхнулъ все болото, всѣхъ этихъ охотниковъ за случаемъ, всю эту орду полуинтеллигентныхъ силъ.

Когда они вдругъ появились на политическомъ горизонтѣ, болѣе культурные слои общества испуганно отшатнулись, увидѣвъ эту необузданную, полную злобы и ненависти толпу всклоченныхъ и взъерошенныхъ людей. Точно бы въ первый разъ встрѣтились съ ними. Между тѣмъ вѣдь это не такъ. Эти люди все время и уже давно жили бокъ-о-бокъ съ культурными слоями общества, и,

конечно, стоило бы только пристальнѣе всмотрѣться въ лица, чтобы узнать старыхъ знакомыхъ. Вотъ Жилкинъ, который часами сидѣлъ въ пріемной попечителя учебнаго округа, ожидая помощника правителя канцеляріи, чтобы шопоткомъ узнать у него, нѣтъ ли гдѣ учительской вакансіи. Вотъ Аладьинъ, который за умѣренное вознагражденіе показывалъ петербуржцамъ-туристамъ веселую часть Лондона и Парижа. Вотъ Онипко, который почтительно вставалъ при входѣ земскаго начальника и униженно просилъ его похлопотать въ губерніи на счетъ мѣста станового пристава. Вотъ Локоть, который съ волненіемъ ждалъ, утвердятъ или не утвердятъ въ округѣ выпрошенное у совѣта Новоалександрійскаго института пособіе въ полтораста рублей. Вотъ Аникинъ, котораго то и дѣло распекалъ за неисправности въ школѣ инспекторъ народныхъ училищъ. Въ одномъ не трудно было узнать выгнаннаго за небрежность управляющаго имѣніемъ, въ другомъ—извѣстнаго темными дѣлишками помощника присяжнаго повѣреннаго; въ-третьемъ—юркаго еврея, который еще недавно скромно звонилъ у подъѣзда и долго вытиралъ о фалды сюртука свои потныя руки, прежде чѣмъ рѣшиться протянуть ихъ хозяину дома. А остальные? Да всѣ на одинъ ладъ, только фамиліи у нихъ съ нѣкоторыми отличіями: одного зовутъ Недоносковъ, а другого—Недососковъ, одного Назаренко, а другого — Нечипоренко...

Съѣхавшись въ Петербургъ, они сразу нашли другъ друга. Только немногихъ изъ нихъ связывала та подпольная организація, въ которой они участвовали еще до выборовъ. Остальные или еще не успѣли вкусить отъ запретнаго плода, или же занимали въ подпольныхъ сферахъ сравнительно подчиненное положеніе, такъ что даже не подозрѣвали о существованіи другъ друга. Но въ Петер-

бургѣ они не могли не узнать одинъ другого, хотя бы по глазамъ, по тому недоброму огоньку въ глазахъ, который вспыхивалъ у каждаго изъ нихъ, при видѣ чужихъ домовъ, чужихъ экипажей, увы! чужихъ женщинъ, чужихъ брилліантовъ. Какъ извѣстно, Аладьинъ даже не постѣснился дать формулировку этой мысли и прямо указалъ въ Думѣ на свои чувства при видѣ чужихъ брилліантовъ.

Итакъ, они быстро узнали другъ друга и не менѣе быстро стали сплачиваться въ союзъ. Малограмотные, но энергичные, они, съ одной стороны, приложили всѣ старанія, чтобы, по возможности, объединить вокругъ себя депутатовъ отъ крестьянъ, а съ другой—занялись установленіемъ связей со всѣми столичными теоретиками революціи. Въ самый короткій срокъ они превратили свой союзъ въ штабъ-квартиру для всѣхъ существующихъ подпольныхъ сообществъ.

Начался процессъ вырабатыванія програмы. Собственно говоря, никакой програмы имъ не нужно было. Програма нужна только тогда, когда имѣютъ въ виду что-либо создавать. А какая нужна програма тѣмъ, кто желаетъ только все разрушить? Програма каждаго трудовика всегда съ нимъ и при немъ: два здоровенныхъ кулака, пара браунинговъ, пукъ прокламацій и коробка спичекъ на случай, если бы пришлось лично участвовать въ поджогѣ. Програма не изъ сложныхъ. Но такъ какъ все-таки оффиціальная дѣятельность протекала не на опушкѣ лѣса и не на полотнѣ желѣзной дороги, которое требовалось немедленно привести въ негодность, а въ Думѣ, то волей-неволей приходилось вырабатывать и програму.

Какую? Конечно, такую, которая была бы всѣхъ лѣвѣе. Во всякомъ случаѣ, это должна быть такая програма,

о которой кадеты не смѣли бы и мечтать. Кадеты, положимъ, требуютъ принудительнаго отчужденія земли, со справедливымъ вознагражденіемъ (для кадетовъ, конечно, въ видѣ комиссіонныхъ), а трудовики, имъ на-зло, выставляютъ требованіе національзаціи земли, т. е. просто поголовнаго ограбленія всѣхъ, у кого есть хоть какая-нибудь земельная собственность. А вознагражденіе? Никакого. Единственное, что они допускали, это выдачу изъ казны по десяти рублей въ мѣсяцъ тѣмъ ограбленнымъ помѣщикамъ, которые послѣ національзаціи окажутся не въ состояніи зарабатывать на пропитаніе. Кадеты, положимъ, требуютъ амнистіи террористамъ, какъ знака примиренія, а трудовики требуютъ той же амнистіи, какъ знака благодарности, «героямъ освобожденія». Кадеты требуютъ, положимъ, внѣпартійности войскъ, а трудовики требуютъ перехода войскъ на сторону революціи.

Вообще же говоря, программа составлялась исключительно въ одномъ расчетѣ: подъ видомъ программы издать прокламацію, которой можно было бы пользоваться въ качествѣ еще одного средства осуществлять задуманное дѣло разрушенія. И вѣдь такъ составлялась не только программа, а рѣшительно все, что̀ исходило отъ трудовиковъ: и проектъ отвѣтнаго адреса, и запросы, и пресловутый аграрный проектъ, и всякаго рода предложенія. Трудовики отлично понимали, что, по существу, ни одинъ изъ ихъ проектовъ, какъ и ни одно предложеніе, не только не пройдутъ даже въ такой Думѣ, какой была первая Дума, но и вообще непріемлемы. Они первые были бы поражены изумленіемъ, если бы вдругъ какое-либо изъ ихъ предложеній прошло. Да они и смутились бы, ибо прямо-таки не знали бы, что съ этимъ дѣлать дальше. Но они искали другого: имъ нуженъ былъ шумъ, скандалъ, нужна была возможность писать на извѣстную тему въ своихъ

листкахъ, разжигать на ту же тему народныя массы, волновать умы, создавать тотъ «революцiонный народъ», мечта о которомъ неизмѣнно дразнила ихъ воображенiе.

Съ этой точки зрѣнiя, конечно, нѣтъ даже надобности входить въ подробности тѣхъ «документовъ», которые остались намъ въ печальное наслѣдiе отъ трудовой группы первой Думы. Всѣ ихъ программы, предложенiя и проекты имѣютъ значенiе лишь для бытописателя и психолога. Это, такъ сказать, человѣческiе документы, а не политическiе. Но, съ другой стороны, все-таки попробуемъ разобраться въ нихъ, хотя бы просто для того только, чтобы сдѣланныя уже нами утвержденiя не показались голословными.

II.

Какъ и слѣдовало ожидать, «программа» группы начинается съ категорическаго требованiя амнистiи. Это требованiе называется не актомъ милосердiя или прощенiя, а «требованiемъ справедливости», при чемъ всѣ политическiе преступники, какое бы преступленiе они ни совершили, одинаково признаются «борцами за свободу». И вотъ трудовики требуютъ, чтобы, во имя справедливости, всѣхъ, обвиненныхъ въ политическихъ, аграрныхъ и религiозныхъ преступленiяхъ (святотатство, слѣдовательно, въ томъ же числѣ) были немедленно освобождены. Немедленно же должны быть освобождены и всѣ, наказанные за нарушенiе правилъ о печати, «страдающiе за забастовки», нарушители воинскихъ правилъ (напримѣръ, продавшiе иностранной державѣ планъ мобилизацiи), а равно и всѣ, обвиненные за сопротивленiе властямъ (напримѣръ, убившiе при задержанiи нѣсколькихъ городовыхъ и дворника). Но этого мало: освобожденные должны быть немедленно

возстановлены въ своихъ политическихъ и гражданскихъ правахъ и на казенный счетъ доставлены въ указанныя ими мѣста.

Предполагалось, очевидно, сразу составить этимъ путемъ готовый кадръ вполнѣ пригодныхъ кандидатовъ на всѣ мѣста новаго государственнаго строя, задуманнаго на смѣну старому. Убійцамъ, конечно, имѣлось въ виду дать порученія по военной части, забастовщикамъ и святотатцамъ, а также и грабителямъ — по части гражданской, а агитаторамъ и пропагандистамъ имѣлось въ виду отдать школу, вѣроятно, не исключая и университетовъ. Ужъ перестраивать, такъ перестраивать до конца!..

Въ томъ, что такая амнистія была бы только актомъ справедливости, трудовики не имѣли ни малѣйшаго сомнѣнія. Да и странно было бы имъ сомнѣваться: тутъ братъ отстаивалъ брата, свойкъ свояка, товарищъ товарища. Если, положимъ, Аладьинъ ходилъ по улицамъ столицы и кичился передъ околодочными своей депутатской неприкосновенностью, то десятки Аладьиныхъ, которые гораздо менѣе его наговорили въ своей жизни революціоннаго вздора, сидѣли въ это время гдѣ-нибудь въ Вологдѣ или въ Шенкурскѣ. Слѣдовательно, кому же, какъ не тому же Аладьину, и знать, что именно въ данномъ случаѣ справедливо, и что несправедливо?

И, дѣйствительно, во время преній въ Думѣ по вопросу объ амнистіи Аладьинъ сказалъ: «Наши братья въ тюрьмахъ, ссылкѣ, на каторгѣ могутъ быть увѣрены, что мы возьмемъ ихъ оттуда». Ему закричали: «Довольно!» Но онъ бросилъ на кричавшихъ презрительный взглядъ и продолжалъ: «Мы предоставляемъ теперь послѣдній случай, послѣднюю возможность понять насъ и примирить насъ актомъ, который ускоритъ появленіе нашихъ братьевъ въ нашей собственной средѣ». Правда, въ послѣднюю ми-

нуту Аладьинъ не пошелъ добывать своихъ братьевъ и даже, когда послѣ роспуска Думы увидѣлъ, что случай, наконецъ *понять* и его, и его братьевъ не былъ упущенъ, предусмотрительно остался заграницей. Но фактъ остается фактомъ, и, слѣдовательно, ясно, какъ и почему хлопотали трудовики, столь рѣзко настаивая на амнистіи.

Жажда амнистіи была у трудовиковъ въ такой мѣрѣ велика, что въ томъ же засѣданіи суперъ-трудовикъ, ихъ глава и вождь, самъ Жилкинъ, закончилъ свою рѣчь угрозой, чуть ли не первой по времени, столь рѣшительно произнесенной въ Думѣ. Онъ сказалъ: «Если не будетъ дана амнистія, мы, можетъ быть, уйдемъ отсюда, отойдемъ, можетъ быть, въ сторону, но пусть тогда народъ встанетъ лицомъ къ лицу съ тѣми, которые не удовлетворили нашихъ требованій».

Какъ извѣстно, требованія остались неудовлетворенными, Жилкинъ съ товарищами отошелъ въ сторону (впрочемъ, недалеко: отошелъ къ Ходскому, издающему сознательную газету «Товарищъ»), а народъ... Народъ сталъ бить тѣхъ трудовиковъ, которые были настолько неосторожны, что вернулись на родину. Но опять-таки фактъ остается фактомъ: амнистія до того была нужна трудовикамъ, что они съ мѣста въ карьеръ перескочили черезъ всѣ барьеры, которые все-таки должно было бы ставить имъ ихъ собственное благоразуміе.

Не даромъ, однако, придавали они такое значеніе вопросу объ амнистіи. Они понимали, что для осуществленія ихъ «государственныхъ» плановъ и даже не для осуществленія, а просто хотя бы для приданія этимъ планамъ какого бы то ни было значенія, прежде всего нужны были особые люди, такіе, которыхъ сразу не найдешь и даже въ мѣсяцъ надлежаще не натаскаешь. Именно нужны были люди съ особымъ политическимъ цензомъ: если не

двадцать лѣтъ Карійской каторги (въ замѣну смертнаго приговора), то по крайней мѣрѣ—десять лѣтъ Восточной Сибири...

Трудовики такъ и опубликовали: «прежде чѣмъ приступить къ возможной въ Думѣ работѣ, парламентская трудовая группа признаетъ своимъ священнымъ долгомъ осуществить требованіе справедливости по отношенію къ борцамъ за свободу».

Перейдемъ къ самой программѣ. Открывается она, конечно, земельнымъ вопросомъ. Было бы странно, если бы трудовики поступили иначе. Они ни одной минуты не скрывали, что ихъ единственная цѣль—политическій и соціальный переворотъ. Что они собственно понимали подъ переворотомъ, —сказать трудно. Да, конечно, ни они сами, ни всѣ Богоразы и Водовозовы, обучавшіе ихъ теоретическимъ революціоннымъ истинамъ, даже и не ставили себѣ такого вопроса. Переворотъ—значитъ существующія власти будутъ низложены, земля будетъ отдана крестьянамъ, фабрики—рабочимъ, солдаты запоютъ марсельезу, а все остальное само собой установится къ общему благополучію. Иностранные капиталисты раскроютъ свои кошельки свободному народу, желѣзныя дороги будутъ бѣгать изъ конца въ конецъ и будутъ аккуратно развозить свободный продуктъ свободнаго труда, а земля немедленно примется родить, по крайней мѣрѣ, самъ-сорокъ. Иными словами: въ самомъ переворотѣ уже таится прочная основа будущаго благосостоянія.

Что же нужно для переворота? Во-первыхъ, руководители, а ихъ должна была дать амнистія; во-вторыхъ, народная масса. Ясно, что эту послѣднюю могъ дать только земельный вопросъ.

Въ то время, какъ правительство, работая надъ этимъ вопросомъ, безплодно, по мнѣнію трудовиковъ, теряло время

надъ какой-то глупой статистикой и еще болѣе глупыми проектами какихъ-то правилъ; въ то время, когда даже кадеты, эти опытные ловцы человѣческихъ сердецъ, также понимали, что безъ статистики и хоть какихъ-нибудь правилъ въ земельномъ вопросѣ не обойтись, — трудовики взглянули на дѣло съ истинно геніальной безхитростностью. Они предложили планъ, проще котораго еще ничего никогда человѣческій умъ не создавалъ. Земельный вопросъ?— вопросили они.—Но въ чемъ онъ состоитъ? Только въ томъ, что земля, этотъ даръ Божій, обратилась въ «предметъ эксплоатаціи и закабаленія трудящихся». Слѣдовательно, ничего не можетъ быть проще разрѣшенія этого вопроса: надо вернуть землю въ первобытное состояніе, т. е. записать ее въ разрядъ даровъ Божьихъ. Земля, такимъ образомъ, сразу становится ничьей, а отсюда — каждый трудящійся получаетъ столько, сколько можетъ обрабатывать личнымъ трудомъ.

Подробностей никакихъ. Подробности, по мысли трудовиковъ, вообще не дѣло Думы. Подробности должны быть разработаны на мѣстахъ особыми комитетами, члены которыхъ избираются всеобщей, равной, тайной и прямой баллотировкой, при чемъ, конечно, никакая администрація на версту не имѣетъ права подойти къ этимъ комитетамъ.

Задача правительства, слѣдуетъ думать, сводилась, по этому плану, лишь къ тому, чтобы на казенный счетъ, по особому расписанію, составленному Жилкинымъ и Аникинымъ, развезти по всѣмъ угламъ страны изъ Якутска, съ Карійской каторги, изъ Западной Сибири, изъ Вологды и Архангельска всѣхъ амнистированныхъ и предложить ихъ населенію въ предсѣдатели и члены этихъ аграрныхъ (точнѣе: ограбныхъ) комитетовъ. Амнистированные, съ своей стороны, немедленно должны объявить правительствомъ себя, а по сему случаю, какъ и надлежитъ вся-

кому разумному правительству, начать безпощадную войну со всѣми, кто не съ ними: жечь, рѣзать, изгонять и грабить кого смогутъ!..

Планъ до того простъ, что, право, проще и не придумать. Такъ только, развѣ для большаго эффекта, слѣдовало бы прибавить, что помѣщики и вообще всякіе собственники, отдавая этимъ «ограбнымъ» комитетамъ свои земли и усадьбы, обязуются во всеуслышаніе благословлять судьбу за то, что удостоились, наконецъ, послужить такому великому національному дѣлу.

Нужно ли добавлять, что тутъ же, изложивъ всю эту программу земельной реформы, проектъ думскаго отвѣтнаго адреса (прокламація) трудовиковъ прибавляетъ: «Трудовая группа всю борьбу свою ведетъ за полную гражданскую свободу (отъ имущества?), при непремѣнномъ отсутствіи какихъ-либо исключительныхъ мѣръ (напримѣръ, принудительный отказъ отъ собственности?) и при полномъ развитіи конституціонныхъ началъ (напримѣръ, созданіе по всей странѣ сплошной сѣти земельныхъ комитетовъ, внѣ всякой связи съ мѣстными властями?).

При полномъ желаніи сохранить серьезность и при рѣшительномъ стремленіи выяснить только истину, можно ли, въ самомъ дѣлѣ, удержаться отъ невольной улыбки, когда встрѣчаешься съ такимъ опредѣленнымъ сумбуромъ понятій?!. Свобода при узаконеніи насилія, гражданскія права при лишеніи основныхъ правъ, протестъ противъ исключительныхъ мѣръ при введеніи наиболѣе исключительныхъ изъ всѣхъ когда-либо примѣнявшихся исключительныхъ мѣръ (лишеніе собственности), наконецъ, полное развитіе конституціонныхъ началъ при отрицаніи первоосновъ государственности...

Что можно прибавить къ сказанному?!.

Допустимо быть какого угодно мнѣнія о соціализмѣ, какъ о научной доктринѣ, но что, спрашивается, общаго между соціализмомъ, какъ таковымъ, и этимъ обыкновеннымъ грабежомъ на большой дорогѣ? Но пусть и такъ. Пусть, въ самомъ дѣлѣ, наступилъ уже моментъ, когда все то немногое, что все-таки есть культурнаго въ странѣ, слѣдуетъ бросить подъ ноги некультурной массѣ. Но дальше-то что? Царство труда? А не царство ли разбойничьихъ шаекъ, воровъ и грабителей, пока, при заревѣ пожаровъ и стонахъ раненыхъ, не войдутъ въ страну иностранныя войска и не обратятъ русскія земли въ свои провинціи?!..

Но, повторяемъ, какъ самая программа, такъ и всѣ остальные документы, оставшіеся намъ на память отъ трудовой группы, имѣютъ только психологическое, а не политическое значеніе. Слѣдовательно, едва ли нужно подвергать ихъ разсмотрѣнію по существу. Тѣмъ болѣе, что для тѣхъ, кто способенъ хотя бы съ нѣкоторой серьезностью относиться къ сумбуру вродѣ изложеннаго, никакая критика, какъ бы обстоятельна она ни была, не будетъ достаточно убѣдительной. Такія «программы», какъ та, которую мы излагаемъ, либо осмѣиваются, либо принимаются на вѣру. Это именно тѣ человѣческія измышленія, которыя рождаются какъ разъ на границѣ между безнадежнымъ неразуміемъ и нервной суетливостью уже воспаленнаго мозга. Извѣстно, напримѣръ, что существуютъ такія отдѣльныя слова, одно возглашеніе которыхъ возбуждаетъ слушателей. Всеобщее равенство, царство труда, народный земельный фондъ, а съ другой стороны—гнетъ тираніи, безотвѣтственные министры, военный деспотизмъ — развѣ все это не именно такія слова? Если нанизать ихъ одно на другое, хотя бы даже такъ, чтобы одно слово противорѣчило другому, — развѣ мало сердецъ начинаетъ биться учащеннѣе и разв

въ немалое количество головъ вдругъ начинаетъ усиленно приливать кровь?!.

Но продолжаемъ изложеніе «программы». Итакъ, амнистія должна дать руководителей для осуществленія переворота, объявленіе земли Божіей должно поднять народныя массы. Все ли это? Конечно, нѣтъ. Необходимо на мѣстахъ немедленно устранить всѣ препятствія, которыя мѣшали бы амнистированнымъ, по пріѣздѣ ихъ, согласно росписанію Жилкина и Аникина, въ села и города, вести полезную государственную дѣятельность. Съ этой цѣлью трудовики требовали еще двухъ вещей: немедленной отмѣны всѣхъ мѣръ по государственной охранѣ и, кстати ужъ,—хотя это выставлялось программой въ качествѣ отдѣльнаго требованія,—«немедленнаго упраздненія института полицейскихъ стражниковъ».

Характерная подробность. Въ самомъ дѣлѣ, для переворота нужны аграрныя волненія. При чемъ же тогда институтъ полицейскихъ стражниковъ? «Институтъ»?!.. Точно бы и въ самомъ дѣлѣ что-то понимаютъ!.. Кто-кто, а трудовики по своему опыту знали, какъ имъ мѣшали стражники устраивать разгромы экономій.

Само собой, трудовики требуютъ и всѣхъ свободъ: свободы слова, манифестацій, переписки, стачекъ, митинговъ и т. д., и т. д. Какъ понимали они эти свободы,—это достаточно обрисовалось въ Думѣ, во время происходившихъ тамъ по поводу нѣкоторыхъ изъ этихъ свободъ преній. Это было то революціонное представленіе о свободѣ, при помощи котораго, быть можетъ, производятся перевороты, но при которомъ никакое государство не можетъ просуществовать и одного дня.

Рядомъ выдвигался на первую очередь и рабочій вопросъ. Какъ понятно безъ дальнѣйшихъ объясненій,

этотъ вопросъ долженъ быть, по мнѣнію трудовиковъ, разрѣшенъ во всемъ согласно плану такъ называемыхъ «народовольцевъ», т. е. Желябова, Перовской и другихъ цареубійцъ. Во-первыхъ, восьмичасовой рабочій день, съ присоединеніемъ къ тому же 42 часовъ безпрерывнаго еженедѣльнаго отдыха и, конечно, во всѣхъ отрасляхъ труда одинаково и безъ уменьшенія заработной платы; а такъ какъ непремѣнно предполагается и свобода стачекъ и самоуправленіе рабочихъ, при отсутствіи у фабрикантовъ права протестовать, то, слѣдовательно,—и при условіи, что заработная плата будетъ увеличиваться... Впрочемъ, нѣтъ! Трудовики—народъ справедливый! Они понимали, что какой-нибудь регуляторъ все-таки необходимъ. Поэтому, установивъ вышеописанную трудовую норму, они добавляютъ: «Минимальная заработная плата во всѣхъ отрасляхъ наемнаго труда устанавливается сообразно мѣстнымъ условіямъ смѣшанными комиссіями изъ представителей отъ рабочихъ». Очень хорошо! Но, замѣтьте, какая тонкость: смѣшанныя комиссіи, т. е. слесаря съ ткачами, ткачи съ литейщиками, а предприниматели будутъ въ это время стоять у позорныхъ столбовъ и платить деньги...

Это—во-первыхъ. Во-вторыхъ, никакихъ сверхурочныхъ работъ. Ни за какую плату. Въ-третьихъ, государственное страхованіе рабочихъ за счетъ предпринимателей. Въ-четвертыхъ, подчиненіе фабричной инспекціи контролю рабочихъ. Въ-пятыхъ, уничтоженіе всякихъ штрафовъ и вычетовъ. Вѣроятно, по разсѣянности, не добавлено, что штрафы и вычеты могутъ налагаться рабочими на фабрикантовъ.

И, какъ довершеніе всего этого опять-таки несравнимаго по простотѣ плана,—предложеніе немедленно же и повсемѣстно организовать совѣты рабочихъ депутатовъ, по плану Хрусталева-Носаря и К°.

Какъ читатель, конечно, уже понялъ, интересы рабочихъ обезпечены этимъ планомъ основательно. Одна маленькая подробность, однако, все-таки упущена: кто при такихъ условіяхъ согласится быть предпринимателемъ? Сумасшедшій? Но сумасшедшіе ограничены въ правахъ. Если же фабрики и заводы, отъ которыхъ при такомъ законодательствѣ откажутся «подлецы-буржуи», перейдутъ въ руки рабочихъ, то развѣ не очевидно, что новые хозяева должны будутъ прежде всего начать съ отмѣны подобныхъ законовъ? Тогда зачѣмъ же вообще продѣлывать столь сложный опытъ. Право, гораздо проще объявить и фабрики, и заводы, подобно землѣ,—Божьими и просто разъ навсегда предоставить ихъ въ пользованіе каждому трудящемуся?!..

Конечно, пока всѣ трудящіеся не перемрутъ съ голода!..

III.

Впрочемъ, есть еще одинъ «памятникъ» дѣятельности трудовой группы, который, какъ онъ самъ по себѣ ни нелѣпъ, все-таки требуетъ упоминанія. Это—«выработанный трудовиками проектъ основныхъ положеній земельной реформы».

«Выработанный»—не наше опредѣленіе, а опредѣленіе самихъ трудовиковъ. Сейчасъ мы познакомимся съ ихъ «выработкой» и, конечно, увидимъ, что «вырабатывать» такіе проекты не стоитъ труда. Работать тутъ не надъ чѣмъ. Это одинъ изъ тѣхъ проектовъ, которые просто «выливаются», падая какъ снѣгъ на голову, въ готовомъ видѣ.

Если онъ «выработанъ», то развѣ только по сравненію съ тѣми «категорическими императивами», которые, какъ

мы уже показали, заключались въ первоначальномъ проектѣ трудовиковъ (проектъ адреса на тронную рѣчь). Но, съ другой стороны, «выработка» послужила лишь ко вреду геніальной наготѣ первоначальнаго замысла.

По «выработанному проекту», никто ни подъ какимъ видомъ не можетъ имѣть больше земли, чѣмъ въ состояніи обработать. Получаетъ ли каждый только на свою долю, или и на долю дѣтей—проектъ такихъ мелочей не предусматриваетъ. Не предусматриваетъ онъ также и того, какъ быть, если, въ виду многочисленной, но неработоспособной семьи, потребностей у даннаго лица больше, а рабочихъ силъ меньше, чѣмъ у другого, у котораго, положимъ, только одинъ взрослый сынъ. Твердо опредѣляется одно: устанавливается трудовая норма, никакихъ наемныхъ рабочихъ и ни подъ какимъ видомъ не допускается никакая форма перехода земли изъ рукъ въ руки. Ни продавать землю нельзя, ни дарить, ни завѣщать, ни даже сдавать въ долгосрочную аренду. Умеръ владѣлецъ, и все, надъ чѣмъ онъ убилъ свою жизнь, каждое деревцо, которое онъ посадилъ, каждое улучшеніе, которое сдѣлалъ, все передается въ земельный фондъ. Конечно, если улучшеній этихъ много, и, можетъ быть, къ тому же и разведенъ фруктовый садикъ, то земля отдается племяннику Жилкина, или внучатному свояку Носаря.

Даже насчетъ вдовъ нѣтъ никакого снисхожденія. Вдовы десятками отправляются въ уѣздный національный вдовій домъ и вяжутъ тамъ почетные напульсники депутатамъ, принадлежащимъ къ трудовой группѣ. Но именно десятками, а не по одиночкѣ, въ виду утвержденныхъ мѣстнымъ комитетомъ размѣровъ національныхъ подводъ. Пока не накопится десятокъ, вдовы живутъ національнымъ подаяніемъ.

Что касается нѣдръ земли и водъ, то, конечно, и тѣ, и другія всецѣло объявляются общественной собственностью. Кто первый заявитъ въ предѣлахъ трудовой нормы, тотъ и бери. Великолѣпная идея! Особенно для тѣхъ, кто своевременно заявитъ о желаніи получить трудовую норму на золотыхъ пріискахъ. Кстати, кто тотъ чудакъ, который не заявитъ? Ужъ не Аладьинъ ли? Или онъ золоту предпочитаетъ брилліанты?

Кстати и еще: каковы же собственно размѣры трудовой нормы на золотыхъ пріискахъ? Конечно, проектъ такими пустяками не занимается, но все же интересно. Если, напримѣръ, для земледѣльца трудовая норма отъ 6—12 десятинъ, то, очевидно, на золотыхъ пріискахъ она должна равняться одному или двумъ квадратнымъ вершкамъ? Или и тутъ будутъ получать десятинами? Тогда кому же эти десятины достанутся? Родственникамъ депутатовъ и ихъ сожительницамъ изъ акушерокъ?...

Насчетъ водъ, если признаться, насъ беретъ нѣкоторое сомнѣніе. Какъ-никакъ, но одно дѣло ловить осетровъ подъ Астраханью, и совсѣмъ другое дѣло ловить ершей въ Ворсклѣ или въ рѣчкѣ Нетопырь. Какъ же это будетъ устроено? Гдѣ кто родился, тотъ тамъ и лови? И только депутатамъ будетъ дано право повсемѣстной ловли? Въ мутной водѣ задуманнаго ими переворота? Не такъ ли?

Покончивъ такимъ образомъ съ нѣдрами и водами, «выработанный» трудовиками проектъ берется за опредѣленіе отношеній земли и земледѣльца къ государству. Каковы же эти отношенія? Очень несложныя: земля хотя и Божья, но ввѣрена на храненіе государству, за что это послѣднее взимаетъ нѣкоторый налогъ. Онъ долженъ быть небольшой, такъ какъ, если онъ будетъ превышать нынѣ существующія арендныя цѣны, то, очевидно, положеніе трудящихся классовъ ухудшится, а не улучшится. Со-

гласно общему финансовому плану трудовиковъ, косвенные налоги, какъ исчадіе подлаго капитализма, разъ навсегда упраздняются и даже издается законъ, по которому подлежитъ пожизненному изгнанію всякій, кто посмѣетъ говорить, писать или даже думать о возстановленіи косвенныхъ налоговъ. Иначе говоря, этотъ небольшой земельный налогъ будетъ основнымъ въ государственномъ бюджетѣ. Что же за это обязывается дѣлать государство? Да рѣшительно все: не только содержать весь государственный строй, но и всякаго на свой счетъ сажать на трудовую норму, куда онъ только пожелаетъ, а кромѣ того, и обезпечить каждаго, кто желаетъ получить трудовую норму, всѣмъ необходимымъ.

Достаточно ясно, что у государства при такихъ условіяхъ не хватитъ денегъ даже на двѣ недѣли, а не то, что на годъ. Что же тогда дѣлать? Разсчитывать на внѣшніе займы, конечно, невозможно, ибо еще не родился такой банкиръ, который подъ такого рода программы далъ бы хоть одинъ франкъ. Трудовики увѣрены, что большую поддержку окажутъ ихъ системѣ налоги на роскошь и предпринимательство. Но это, конечно, вздоръ, если только заранѣе не будетъ объявлено, что двѣ тарани на день и незаштопанные брюки уже являются подлежащими особому обложенію, какъ предметы явной роскоши. Если даже теперь, пока еще программа трудовиковъ можетъ быть подробно обсуждаема развѣ только на Удѣльной, Аникинъ и Соломко били себя въ грудь, доказывая, что министерскіе курьеры живутъ сытнѣе честнаго трудовика, то что будетъ при господствѣ Соломокъ и Онипокъ? Вѣдь тогда неисправимымъ предпринимателемъ и капиталистомъ будетъ считаться уже тотъ, кто каждый день можетъ добыть свою порцію конины!...

Итакъ, чѣмъ же будетъ помогать трудящемуся классу то трудовое государство, на которое, согласно плану, возлагается рѣшительно все, но которое взамѣнъ получаетъ лишь довѣріе трудящихся классовъ? Очевидно, одними добрыми совѣтами. Своихъ денегъ у государства нѣтъ, а если трудовики увѣрены, что государству, чтобы имѣть деньги, стоитъ только поставить въ экспедицію заготовленія государственныхъ бумагъ еще одну скоропечатную машину, то они очень ошибаются.

Конечно, есть еще одинъ финансовый рессурсъ: объявить не только землю, но и вообще всѣ цѣнности, имѣющіяся у презрѣнныхъ буржуевъ (капиталистовъ, предпринимателей, эксплоататоровъ, вообще не у трудовиковъ), Божьими. Кое-что такимъ путемъ несомнѣнно наберется. Но и тутъ трудовики впадаютъ въ серьезное недоразумѣніе. Значительная, подавляющая масса цѣнностей находится въ бумагахъ, а бумаги съ перваго же момента осуществленія программы трудовиковъ должны будутъ обратиться въ ничто. Дѣтямъ Недоноскова и Аникина дадутъ изъ нихъ дѣлать пѣтушковъ, а остальными, за отсутствіемъ дровъ, Жилкинъ прикажетъ топить свой рабочій кабинетъ въ національномъ домѣ. И останутся, слѣдовательно, кромѣ незначительной наличности, цѣлыя горы золотыхъ часовъ, брилліантовыхъ брошекъ, колецъ и т. д. Если трудовая норма на эти вещи будетъ даже очень незначительна и если будутъ раздавать ихъ только каждому двадцатому, то и тогда все-таки на всѣхъ не хватитъ. А продавать все это для пополненія казны безполезно: цѣны до того упадутъ, что на вырученную сумму нельзя будетъ даже отпустить жалованье (не сомнѣваемся: по трудовой нормѣ) членамъ всѣхъ тѣхъ совѣтовъ рабочихъ депутатовъ и губернскихъ и уѣздныхъ «ограбныхъ» комитетовъ, назначеніемъ которыхъ трудовики предполагаютъ дебютировать...

На что же тогда разсчитывают трудовики? На чудо? Или на то, что не может же быть, чтобы наши сосѣди промолчали и не пришли, наконецъ, выручать трудовиковъ-заправилъ изъ того затруднительнаго положенія, въ которое ихъ неизбѣжно поставятъ ихъ собственныя «реформы»? Хотя бы путемъ занятія страны своими войсками?

Но возвращаемся къ «выработанному» трудовиками проекту. Въ немъ есть одна прехитрая черта: всѣ подробности каждаго изъ перечисленныхъ нами «основныхъ» положеній, по словамъ проекта, должны быть разработаны въ «особыхъ законахъ». Это очень хитренько сдѣлано. Если бы трудовики попробовали тутъ же разсказать, въ какихъ именно особыхъ законахъ, ихъ читатели и почитатели сразу увидѣли бы, что и самыя основныя положенія сплошной вздоръ и ничего больше... А теперь изъ-за этихъ постоянныхъ ссылокъ на какіе-то будущіе особые законы невольно у малоразвитаго читателя остается сомнѣніе: вдругъ, молъ, и въ самомъ дѣлѣ тамъ, въ этихъ особыхъ законахъ, все сразу разъясняется?.. Впрочемъ, трудовики настолько невѣжественны, что, можетъ быть, и сами искренно вѣрятъ, что у нихъ за душой есть еще что-то, еще какой-то матерьялъ, кромѣ тѣхъ «основныхъ положеній», которыя они съ такимъ благоговѣніемъ извлекли изъ старыхъ прокламацій...

Вѣдь заявляли же нѣкоторые изъ нихъ въ Думѣ, что давно пора переработать весь существующій финансовый строй Россіи «совершенно на новыхъ основаніяхъ». И тутъ же прибавляли: «долженъ быть всеобщій единый прогрессивный подоходный налогъ». Бѣдняги. Они, повидимому, искренно вѣрили, что говорятъ что-то новое, смѣлое, необыкновенно глубокомысленное.

Всеобщій, единый, прогрессивный подоходный налогъ— нѣчто въ родѣ всеобщаго, тайнаго, равнаго и прямого голо-

сованія. Красиво, а, главное, ровно ни къ чему не обязываетъ...

Такимъ образомъ, «выработанный» земельный проектъ трудовой группы отъ ихъ «невыработаннаго» проекта отличается только нѣсколькими новыми пустяками. Если бы проектъ былъ еще болѣе «выработанъ», этихъ пустяковъ было бы, естественно, еще больше, и тогда окончательно опредѣлилось бы, что собственно за реформаторы эти Аникины и Жилкины.

Но, какъ мы уже имѣли случай сказать, и сами реформаторы не относились къ своимъ проектамъ серьезно. Имъ нужно было сказать во всеуслышаніе русскому крестьянству, что вотъ, молъ, въ то время, какъ графы да князья, да разные чиновники, да помѣщики изъ кожи лѣзутъ, чтобы отнять у крестьянина его послѣднее достояніе, существуютъ тамъ, въ далекомъ Петербургѣ, люди, которые, наоборотъ, готовы собой пожертвовать, лишь бы отдать крестьянину помѣщичью землю. Крестьянинъ не станетъ разбираться въ подробностяхъ, да онъ и не поставитъ себѣ вопроса о необходимости разбираться въ нихъ. На его воображеніе, давно мучимое этимъ стремленіемъ къ чужой землѣ, подѣйствуетъ самый фактъ. И фактъ сыграетъ роль призыва.

А что нужно Жилкину и Аникину еще? Раздраженная такимъ призывомъ деревня встанетъ, какъ одинъ человѣкъ, съ вилами въ одной рукѣ и съ пылающей головешкой въ другой, пойдетъ на всѣхъ, кто такъ или иначе стоитъ у власти, кто имѣетъ какую-нибудь собственность, на кого своевременно укажутъ спеціалисты-агитаторы. Настанетъ смута, равной которой исторія человѣчества еще никогда не знала. Вотъ тутъ-то и выступятъ во главѣ черни уже успѣвшіе сговориться между собой «вожди», и... и цѣль достигнута...

Какая цѣль? Ни Аникинъ, ни Жилкинъ, что бы они тамъ ни говорили, этого не знаютъ. Ихъ мысль работаетъ только до этого момента, т. е. до этого всеобщаго пожара и разрушенія. Что будетъ дальше—покажутъ обстоятельства. Таковъ ихъ любимый отвѣтъ. Характерно: они, отрицающіе всякую религіозность, готовые издѣваться надъ всякимъ, кто вѣруетъ въ Бога, дѣлаются, незамѣтно для себя, слѣпо религіозными, когда думаютъ о будущемъ, которое должно само собой вырасти на крови и огнѣ пропагандируемой ими смуты. Тутъ они вѣрятъ въ чудо. Да какъ вѣрятъ!.. Такой вѣры, конечно, не найти даже среди католическихъ женщинъ, совершающихъ паломничество въ Лурдъ...

Если бы Дума не была распущена въ началѣ іюля, въ концѣ этого мѣсяца мы бы услышали Аладьина и Жилкина, обсуждающихъ «военную програму», уже законченную трудовиками и уже предназначенную ими для внесенія на судъ Думы. «Мы имъ поднесемъ гостинецъ!»—торжествующе возглашали разные Соломки въ кулуарахъ Думы, указывая на министерскую ложу. Въ двухъ словахъ програма такова: войско распускается, вездѣ учреждаются народныя милиціи, а на случай внѣшней войны каждый взрослый гражданинъ берется за оружіе. Словомъ, если не совсѣмъ такъ, какъ было во времена до призванія Рюрика, то вродѣ этого. Вотъ только на счетъ флота не знаемъ, какъ имѣли въ виду поступить трудовики. Каждый взрослый гражданинъ садится на свой броненосецъ? Или, можетъ быть, они думали, что броненосцы, какъ изобрѣтеніе капиталистической эпохи, должны быть вообще отмѣнены, и достаточно, если на непріятельскій флотъ просто выпустить милліонъ - другой гребныхъ лодокъ, особенно, если обязать гребцовъ все время пѣть душу-возвышающій маршъ, сочиненный на Карійской каторгѣ.

Но все-таки трудовики прекрасно понимали, что ихъ «проектъ» будетъ встрѣченъ насмѣшливо даже первой Думой, этой несомнѣнной революціонной организаціей. Но имъ ли бояться насмѣшки? Имъ, циникамъ даже среди революціонеровъ? Имъ важно было другое: открыть пренія и въ рядѣ рѣчей, которыя при помощи печати будутъ разнесены во всѣ углы страны, возбудить духъ неповиновенія въ войскахъ, облить грязью всѣ военныя власти, подорвать вѣру въ основныя военныя традиціи, словомъ, сдѣлать все отъ нихъ зависящее, чтобы и съ этой стороны возможно ближе подойти къ главной задачѣ — къ потокамъ крови и къ морю огня...

IV.

Какъ мы уже говорили, согласно заявленіямъ самихъ трудовиковъ, ихъ партія, союзъ, группа, — называйте ее какъ хотите, — образовалась, такъ сказать, спеціально къ случаю. До созыва Думы и даже до открытія ея занятій такой группы не было. Просто черная революціонная кость, въ пику бѣлой революціонной кости, обособилась и объединилась.

Въ тонкостяхъ направленій тѣхъ лицъ, изъ которыхъ составилась трудовая группа, разбираться, конечно, не будемъ. Если, положимъ, Жилкинъ заявляетъ, что онъ соціалъ-демократъ, а Ульяновъ, что онъ соціалъ-революціонеръ, то кому, въ сущности, до этого дѣло, кромѣ Плеханова, Водовозова, Мартова, Бурцева и другихъ доктринеровъ русской смуты? Одни видятъ свое главное средство въ мирныхъ забастовкахъ, сопровождаемыхъ убійствами, пролетарскимъ терроромъ и всякаго рода насиліями, другіе видятъ то же средство въ вооруженномъ возстаніи, аграр-

ныхъ безпорядкахъ, солдатскихъ бунтахъ, сопровождаемыхъ мирными забастовками. Въ этомъ вся разница. Ни странѣ, какъ таковой, ни ея культурѣ, ни ея существованію нисколько не легче отъ того, будутъ ли убивать и грабить при лозунгѣ «мирная забастовка», или будутъ убивать и грабить при лозунгѣ «вооруженное возстаніе».

Слѣдовательно, чтобы разобраться въ лицахъ, изъ которыхъ партія составилась, надо положить въ основу группировки какіе-то совсѣмъ иные признаки. Ихъ даютъ намъ сами трудовики. Въ одномъ изъ оффиціальныхъ своихъ документовъ они заявляютъ, что ихъ среда состоитъ изъ трехъ элементовъ: 1) крестьянъ; 2) рабочихъ; 3) трудовой интеллигенціи. Крестьяне и рабочіе играли, конечно, роль фона, а трудовая интеллигенція, точнѣе—совсѣмъ не трудовая полуинтеллигенція—роль основныхъ свѣтилъ.

Въ этомъ порядкѣ мы и пойдемъ. Но прежде всего, конечно, обратимъ вниманіе на тѣхъ, кто стоялъ во главѣ группы.

Исторія, которая, по мнѣнію трудовиковъ, должна беречь каждую частность изъ жизни ихъ группы, не можетъ не отмѣтить, что первоначально комитетъ состоялъ изъ Жилкина, какъ предсѣдателя, и изъ членовъ: Аникина, Рышкова, Локотя (или, можетъ быть, будетъ демократичнѣе—Локтя?), Шапошникова, Буслова, Назаренко, Пустовойтова, Ерпова и Аладьина. Все это отнынѣ—великіе русскіе люди. По крайней мѣрѣ профессоръ Ходскій въ своемъ «Товарищѣ» уже болѣе полугода убѣдительно проситъ Россію хотя бы запомнить ихъ имена. Но 22-го мая совершилось исключительно важное событіе: центральный комитетъ былъ переизбранъ, и изъ стараго состава остались только предсѣдатель Жилкинъ и съ нимъ еще два члена: Аникинъ и Рышковъ. Остальные были замѣнены

новыми: Бондаревымъ, Остроносовымъ, Борисовымъ, Субботинымъ и Ульяновымъ.

Такимъ образомъ одно несомнѣнно: гоги и магоги всей этой небольшой, но милой компаніи—Жилкинъ и два его безсмѣнные адъютанта—Аникинъ и Рыпковъ.

Кто же такой этотъ Жилкинъ? По показаніямъ его біографовъ, это—совсѣмъ еще молодой человѣкъ, занимающій «видное» мѣсто въ рядахъ русскихъ журналистовъ. Что же собственно онъ написалъ? Быть можетъ, онъ художникъ, поэтъ, романистъ? Или, быть можетъ, авторъ извѣстныхъ публицистическихъ трудовъ? Нѣтъ, онъ просто занимаетъ «видное мѣсто въ рядахъ русскихъ журналистовъ» за свои неизмѣнно «честныя» убѣжденія. А собственно литературная его карьера такова: началъ онъ писать изъ Вольска обличительныя корреспонденціи въ разныя газетки, потомъ съ ума сводилъ саратовскихъ семинаристовъ своими нападками въ «Саратовскомъ Дневникѣ» на мѣстнаго благочиннаго, затѣмъ редактировалъ газету «Уралецъ» (неужели вы не знаете такой газеты?), затѣмъ попробовалъ писать въ «Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» и теперь пожинаетъ лавры своего капитальнаго литературнаго имени въ газетахъ профессора Ходскаго.

Прежде чѣмъ сдѣлаться литературной знаменитостью, Жилкинъ служилъ писцомъ въ Вольской мѣщанской управѣ. Среди трудовиковъ онъ считается человѣкомъ огромнаго образованія. Правда, онъ кончилъ лишь городское училище, но за то, какъ увѣряютъ оффиціальные его біографы, онъ «прочелъ цѣлую библіотеку». Какую? «Библіотеку русскихъ политическихъ процессовъ»? «Библіотеку великихъ писателей»? «Библіотеку общественныхъ и государственныхъ знаній», гдѣ за ежемѣсячный взносъ въ три рубля Гессены, Винаверы, Каменки и Ицкельсоны сообщаютъ самый «цимесъ» европейской науки, мирового знанія и проч.?

Точно не знаемъ. Во всякомъ случаѣ, это молодой человѣкъ, считающійся весьма образованнымъ. Извѣстенъ еще тѣмъ, что обладаетъ басомъ и готовится въ оперу. Приготовится—будетъ пѣть Мефистофеля. Не приготовится—будетъ сочинять проекты государственныхъ реформъ.

Въ своей средѣ онъ имѣетъ также и репутацію оратора. Если угодно, онъ дѣйствительно ораторъ, но лишь потому, что какой же революціонеръ не обладаетъ способностью выкрикивать всякія революціонныя фразы? И притомъ—по первому требованію!... Впрочемъ, пусть опредѣлятъ степень его ораторскихъ способностей его собственныя рѣчи, какъ онѣ изложены въ думскихъ протоколахъ: «У власти даже не люди, потому что надо имѣть сердце звѣря, чтобы дѣлать такія вещи... Мы готовы принять всѣ зависящія мѣры, чтобы уничтожить это уродливое состояніе, въ которомъ мы находимся. Мы должны указать, что это самое краткое, самое мелкое, что мы теперь дѣлаемъ, а всѣ тѣ чувства, которыя насъ обуреваютъ, пусть будутъ извѣстны народу и правительству» (засѣданіе 16 мая). А вотъ отрывокъ изъ другой, считающейся среди трудовиковъ образцовой, рѣчи Жилкина: «Нужно ли говорить, что это драгоцѣнное свойство, свобода печатнаго слова, необходимое условіе всякой здоровой народной жизни, было, да и сейчасъ находится въ необычайно уродливомъ состояніи? До 17 октября печать была задавлена и едва влачила существованіе подъ тяжелымъ гнетомъ цензуры. Все самоуправство чиновниковъ, противъ которыхъ мы боремся, въ области печати развертывалось во всей своей неприкосновенной откровенности»... И т. д., и т. д. Это «самоуправство, развертывающееся во всей своей неприкосновенной откровенности»,—особенно хорошо.

По словамъ оффиціальныхъ біографовъ, «всякое слово, сказанное Жилкинымъ, всегда обдуманно и взвѣшено и

всегда имѣетъ непосредственное отношеніе къ данному вопросу». Иными словами, оффиціальные біографы трудовиковъ предполагаютъ, что если то, что говоритъ ораторъ, имѣетъ непосредственное отношеніе къ тому, о чемъ онъ говоритъ, то и это уже похвала.

Самъ по себѣ Жилкинъ—ничтожный провинціальный литераторъ. У него ровно столько литературнаго дарованія, чтобы написать бойкое «обличеньице», и ровно столько образованія, чтобы имѣть успѣхъ среди желторотыхъ юнцовъ и юницъ. Волею случая попавъ на политическую сцену, онъ, правда, не только не растерялся, но, какъ извѣстно, сталъ даже во главѣ цѣлой партіи. Но что же изъ того? Вѣдь и Аладьинъ въ нѣсколько дней добился у насъ извѣстности. Вѣдь и малограмотный Сѣдельниковъ импонировалъ. Вѣдь и пресловутый Онипко, этотъ неудавшійся становой приставъ, сталъ почти историческимъ лицомъ. «Карьера» Жилкина не въ немъ самомъ, а внѣ его, въ условіяхъ общей смуты, въ тѣхъ грустныхъ обстоятельствахъ, которыя характеризуютъ нашу дѣйствительность. Если, напримѣръ, произвести опросъ нашей молодежи, съ цѣлью узнать, кого она ставитъ выше: Жилкина или профессора Менделѣева,—несомнѣнно большинство получитъ Жилкинъ, а не Менделѣевъ. Таковы общія условія, и, если какой-нибудь Жилкинъ начинаетъ мнить о себѣ, что онъ дѣйствительно нѣчто, а не просто Жилкинъ, то, конечно, только потому, что онъ не больше, какъ... Жилкинъ...

Вотъ любопытный примѣръ. Когда Жилкинъ, уже въ качествѣ только что избраннаго депутата, уѣзжалъ въ Петербургъ изъ своего родного Вольска, гдѣ сравнительно еще недавно за три рубля въ мѣсяцъ служилъ писцомъ въ мѣщанской управѣ, избранное общество Вольска, слѣдовательно, и сами члены мѣщанской управы, всей гурьбой провожало его на вокзалъ. Цвѣты, вино, рѣчи, руко-

пожатія, поцѣлуи — словомъ, тріумфъ. Куда, казалось бы, прежде всего явиться Жилкину послѣ роспуска Думы? Конечно, въ тотъ же Вольскъ. И онъ явился. Но онъ сразу понялъ, что что-то случилось. И вотъ онъ является крадучись и крадучись уѣзжаетъ. Знакомые при встрѣчѣ отворачиваются, родные не знаютъ, какъ быть. Корреспондентъ, съ грустью сообщающій объ этомъ фактѣ, видитъ, конечно, причину такой перемѣны въ интригахъ исправника. Еще бы!.. Тѣ же самые, кто изо дня въ день кричитъ о безсиліи власти, вдругъ начинаютъ вѣрить въ ея всемогущество, какъ только выясняется общественный провалъ какого-либо изъ ихъ замысловъ. Но при чемъ исправникъ? Вольскъ провожалъ своего депутата, а послѣ роспуска Думы встрѣчалъ только Жилкина. Въ этомъ, конечно, весь секретъ.

Для характеристики Жилкина нужно еще сказать хоть нѣсколько словъ о его теперешней литературной дѣятельности. Въ газетѣ Ходскаго «Товарищъ» онъ ведетъ, такъ сказать, революціонный фельетонъ. Изо-дня-въ-день онъ излагаетъ всякіе пустяки, которые, очевидно, приходятъ ему въ голову во время безсонницы. То будто бы онъ получилъ письмо отъ крестьянина, конечно, «сознательнаго», и авторъ письма ждетъ-не дождется парламентаризма или соціалъ-демократической республики, то будто бы онъ бесѣдовалъ съ своей совѣстью, и совѣсть говорила ему «дерзай, Жилкинъ, ибо ты великъ!»... Все это излагается, само собой разумѣется, самымъ революціоннымъ стилемъ: одно за другимъ бережно выписываются различныя страшныя слова и пересыпаются восклицательными и вопросительными знаками и многоточіями. Напримѣръ: «Кругомъ тьма!.. Какіе-то голоса и стоны! О, Боже! Эти стоны хватаютъ за сердце!.. И лязгъ кандаловъ!.. А дѣти умираютъ тысячами безъ куска хлѣба»...

Если и это считать литературой, то что же тогда не литература?!.

Въ качествѣ подписавшаго выборгское воззваніе, Жилкинъ находится подъ судомъ и лишенъ права непосредственно участвовать въ выборахъ. Но роль руководителя трудовой группы за нимъ остается. Онъ, поэтому, «вырабатываетъ» теперь всякаго рода платформы и «лозунги объединенія. Выработаетъ на грошъ, а раскричитъ на полтинникъ. Разбирать ли все это? Не стоитъ! Это все тотъ же вздоръ, та же прокламаціонная болтовня, тѣ же революціонные перепѣвы...

Жилкинъ, однако, съ надеждой глядитъ на будущее. Онъ понимаетъ, что чѣмъ страна некультурнѣе, тѣмъ глубже пускаетъ свои корни смута. Правда, онъ же первый скорбитъ объ этой некультурности, видя въ ней помѣху для развитія столь желанной ему «сознательности», массъ. Но, какъ и всѣ Жилкины, въ этомъ отношеніи онъ жестоко заблуждается: нужная ему «сознательность» ничего общаго съ культурностью не имѣетъ, а культурность, какъ таковая, всегда была и будетъ непримиримымъ врагомъ всякой жилковщины. Это—аксіома...

Не придаемъ ли мы, однако, слишкомъ много значенія какому-то Жилкину? Конечно, нѣтъ. Мы только считаемся съ фактами. Какъ Жилкинъ, всякій изъ Жилкиныхъ — рѣшительное ничто, хотя бы онъ и считался среди своихъ «высокодаровитымъ ораторомъ», каждое слово котораго, представьте, относится къ вопросу, о которомъ онъ говоритъ, а не къ вопросамъ, о которыхъ онъ не говоритъ. Онъ рѣшительное ничто, хотя бы среди тѣхъ же своихъ считался и «занимающимъ видное мѣсто среди русскихъ литераторовъ». Но какъ одинъ изъ Жилкиныхъ, онъ несомнѣнно общественное явленіе. Онъ — истомившійся

на трехрублевомъ жалованьѣ писарь, который готовъ перевернуть весь міръ, чтобы писаря сдѣлались генералами, а генералы писарями. Съ его точки зрѣнія, это называется разрѣшеніемъ мучительныхъ соціальныхъ проблемъ, — но мало ли какой Жилкинъ что чѣмъ называетъ?!.

По словамъ другихъ Жилкиныхъ, онъ, т. е. описываемый Жилкинъ, менѣе всего похожъ на «столь крупнаго общественнаго дѣятеля». Этимъ, очевидно, имѣютъ въ виду сказать нѣчто очень для него лестное. Это значитъ, что онъ пьетъ не человѣческую кровь, а обыкновенную казенку, закусываетъ не зажареннымъ бюрократомъ, а обыкновенной селедкой, не рычитъ, не спитъ на динамитѣ и вообще не имѣетъ вида снимателя помѣщичьихъ скальповъ. Быть можетъ, даже, какъ Желябовъ, любитъ наблюдать игру воробышекъ, или, какъ Бакунинъ, обожаетъ геліотропъ. Но именно это-то и подтверждаетъ правильность нашего взгляда. Въ самомъ дѣлѣ, при чемъ тутъ Жилкинъ? Развѣ въ немъ дѣло? Дѣло въ томъ, что, вслѣдствіе длиннаго ряда весьма сложныхъ причинъ, вдругъ стали показываться на водѣ пузыри, одни—побольше, другіе—поменьше, и пузыри эти, лопаясь, рождаютъ новые пузыри, которые опять-таки лопаются, чтобы рождать новые и новые...

И будетъ это до тѣхъ поръ, пока само общество не пойметъ, что только въ немъ самомъ, въ его легкомысліи, въ его беззаботномъ отношеніи къ русской дѣйствительности, коренится первопричина появленія этихъ скверныхъ пузырей...

V.

Отъ предсѣдателя центральнаго комитета естественъ переходъ къ членамъ комитета. Безсмѣнными адъютантами Жилкина были Аникинъ и Рыжковъ. Они—и учредители группы, и видные ея лидеры. Аникинъ, къ тому же, и одинъ изъ главныхъ ораторовъ группы, а г. Рыжковъ одинъ изъ ея «дѣловыхъ людей». Какъ извѣстно, партія даже провела его въ товарищи секретаря Думы.

Аникинъ — мордвинъ, видомъ страшный, голосомъ крайне непріятный: не говоритъ, а точно по стеклу рѣжетъ; съ глазами, которые, кажется, въ каждомъ карманѣ каждую копейку давно усчитали и очень этимъ мучаются. Образовательный цензъ—самый трудовой, т. е. сельская школа и ремесленное училище. Профессія—сельскій учитель, привлекавшійся то и дѣло къ дознаніямъ по политическимъ дѣламъ. Спеціальность—настойчивая агитація среди крестьянъ. По оффиціальнымъ сообщеніямъ трудовиковъ, это—одинъ изъ тѣхъ ораторовъ, «страстныя рѣчи котораго зажигаютъ сердца даже неисправимыхъ деревенскихъ кулаковъ и заставляютъ этихъ послѣднихъ чувствовать свою живую связь съ обездоленнымъ крестьянствомъ». Иными словами: даже кулаки идутъ принимать участіе въ разгромѣ помѣщичьихъ усадебъ, понимая, что, коли всѣ грабятъ, то нѣтъ смысла отставать отъ другихъ!..

Въ качествѣ образчика ораторскаго искусства этого «страстнаго» мордвина, приведемъ выдержку изъ его рѣчи, сказанной 24-го мая: «Намъ мѣшаютъ отсюда (указывая на министерскія скамьи) наглыми разговорами, упорнымъ сопротивленіемъ, издѣвательствомъ надъ народнымъ представительствомъ»...

Нужно ли приводить дальнѣйшія выдержки? Полуграмотный мордвинъ, который мѣсяцъ тому назадъ не посмѣлъ бы сказать ничего подобнаго даже мѣстному становому, пользуясь неприкосновенностью депутата, бросаетъ такую брань въ лицо русскимъ министрамъ! Въ этомъ сказалась вся натура человѣка.

Но развѣ онъ только однажды позволилъ себѣ такого рода выходку? Нѣтъ! Каждый разъ, какъ онъ всходилъ на трибуну, онъ только для того и всходилъ, чтобы сказать, нѣчто подобное. Если же онъ забывалъ на минуту о министрахъ, то только для того, чтобы напомнить «трудовому народу» о его правахъ на чужое имущество. «Нѣтъ чужого имущества» — таковъ былъ девизъ Аникина. «Все, что видитъ глазъ, взято у трудового народа и должно быть теперь возвращено ему», кричалъ онъ. Его, видимо, раздражали даже чужіе товары, выставленные въ окнахъ магазиновъ. «Пойдите когда-нибудь на Невскій,—говорилъ въ Думѣ этотъ мордвинъ,—и вы увидите тамъ блестящія окна великолѣпныхъ магазиновъ сытаго Петербурга»... Но, очевидно, не самыя окна дразнили его аппетитъ, а то, что выставлено за ними...

«О, мы знаемъ васъ!»—бросалъ онъ укоръ «не трудовой Россіи» и при этомъ весь судорожно передергивался.—«Такъ знайте же и вы насъ! Наши требованія широки!» Еще бы!—разъ дѣло дошло даже до товаровъ, выставленныхъ въ окнахъ магазиновъ.

Второй неизмѣнный адъютантъ Жилкина — Рышковъ. Этотъ выдается среди столповъ трудовой группы своимъ образованіемъ. У него разностороннее образованіе: онъ кончилъ не только городское училище, но и мореходные классы. Даже пробовалъ пускаться въ практическое плаваніе на какомъ-то пароходѣ, но былъ быстро оттуда удаленъ. Что оставалось дѣлать? Конечно, идти въ народные учителя, и

вотъ Рышковъ, какъ человѣкъ, готовый проявить «созна-тельность», ищетъ уголка, гдѣ бы на такихъ, какъ онъ, былъ спросъ. Въ это время спросъ на такихъ былъ у Славяносербскаго уѣзднаго земства, гдѣ до ревизіи генерала Томича сгруппировался одинъ изъ основныхъ очаговъ революціоннаго движенія. Ревизія заставила покинуть уѣздъ, но вскорѣ за ревизіей пришла «весна», и Рышковъ опять вернулся къ своему «дѣлу».

Повидимому, онъ одинъ изъ кандидатовъ въ министры. Вѣроятно, въ министры юстиціи, такъ какъ, будучи народнымъ учителемъ, охотно писалъ крестьянамъ прошенія на земскихъ начальниковъ и, такимъ образомъ, попавыкъ въ юриспруденціи. Хотя, можетъ быть, онъ предназначается въ морскіе министры, такъ какъ все-таки кончилъ мореходные классы. Въ качествѣ товарища секретаря Думы, онъ извѣстенъ тѣмъ, что все время что-то писалъ. Писалъ ли протоколы, или привѣтствія трудовикамъ отъ различныхъ крестьянскихъ обществъ—вопросъ спорный. А, можетъ быть, въ качествѣ будущаго министра юстиціи, онъ заготовлялъ указы трудового кабинета будущему трудовому сенату?

Аникинъ и Рышковъ интересны еще тѣмъ, что и послѣ роспуска Думы, когда опредѣлилось, что революціонный народъ существуетъ только въ рѣчахъ трудовиковъ, не пожелали разстаться съ своими иллюзіями и еще разъ попытались на мѣстахъ провѣрить свои предположенія. Особенно въ этомъ отношеніи прославился Аникинъ. Послѣ роспуска Думы онъ сдѣлалъ объѣздъ селъ и деревень и на собравшемся съѣздѣ трудовиковъ прочелъ отчетъ о своей экскурсіи. Это была «поэма», а не отчетъ,—писалъ по этому поводу Рышковъ. И дѣйствительно, поэма! Оказывается, что повсюду, убѣгая отъ полиціи и укрываясь то въ стогахъ сѣна, то въ ригахъ, онъ иногда по ночамъ со-

биралъ «толпы» народа и говорилъ съ ними. «Толпы» благословляли его, старухи записывали въ поминанія и только стражники кричали: «Лови его!»

Ни Аникину, ни Рышкову даже въ голову, повидимому, не приходитъ, что какъ же это такъ: съ одной стороны, такая революціонность народа, а съ другой — приходится зарываться въ сѣно и только по ночамъ собираться въ ригахъ, при чемъ, какъ не безъ горечи долженъ былъ прибавить Аникинъ,—даже щели въ этихъ случаяхъ тщательно затыкались... Впрочемъ, вѣдь все это только «поэма»...

Къ этой парѣ необходимо присоединить и главнаго оратора трудовиковъ, пресловутаго Аладьина. Собственно говоря, среди трудовиковъ онъ пользовался малымъ кредитомъ. Онъ полезенъ, — думалъ, глядя на него Жилкинъ,—но онъ недѣловитъ. Это не Рышковъ! Но это и не Аникинъ, потому что, хотя, пожалуй, трудно сказать, кто изъ нихъ безцеремоннѣе бранилъ министровъ, но у Аладьина и тѣни не было той беззавѣтной, страстной ненависти ко всѣмъ, кто можетъ ежедневно обѣдать, которой переполнено мордовское сердце Аникина. Аладьинъ нашумитъ и сейчасъ же разсѣется. То ему цвѣтокъ поднесли, то какая-то дама приноситъ карточку на память, то пора ѣхать на острова. Аникинъ—другое дѣло:—этотъ, дѣйствительно, весь въ когтяхъ своей ненависти. А когда чувствуетъ, что его начинаетъ отпускать, онъ идетъ на Невскій, смотритъ въ окна магазина Елисѣева, и вотъ онъ опять уже готовъ для «страстныхъ рѣчей» и непримиримой борьбы. «А!.. Этотъ толстенькій коротенькой человѣчекъ съ такой нарядной дамой подъ-руку... Онъ купилъ цѣлый кусокъ швейцарскаго сыра и несетъ домой... Собравъ вокругъ себя такихъ же толстенькихъ коротенькихъ человѣчковъ и нарядныхъ дамъ, сядетъ за столъ... На столѣ бѣлоснѣжная скатерть, и эта дама будетъ цѣловать его въ

лобъ... О, мы знаемъ васъ! Такъ знайте же и вы насъ!»— сжимая отъ злобы кулаки, восклицалъ Аникинъ и мчался въ Таврическій дворецъ... Лицо его искажалось, и Жилкинъ спѣшилъ запастись для него очередью...

Аладьинъ — не Аникинъ. Если Аникинъ — первый фальцетъ этой труппочки, то Аладьинъ даже не теноръ, какъ Родичевъ у кадетовъ, а колоратурное сопрано. Если Аникинъ будущій министръ внутреннихъ дѣлъ, то Аладьинъ развѣ только директоръ національныхъ театровъ. Но и то, конечно, при условіи, что, въ виду нѣкоторыхъ фактовъ изъ юношескихъ лѣтъ этого общественнаго дѣятеля, касса театровъ будетъ передана другому лицу. Если Аникинъ, какъ ораторъ, не срывалъ такихъ аплодисментовъ, какъ Аладьинъ, то за то Аникинъ пользовался вліяніемъ на дѣла группы, временами даже воздѣйствуя на самого Жилкина; Аладьина же комитетъ группы держалъ отъ себя болѣе или менѣе на почтительномъ отдаленіи.

Аладьинъ—революціонный мотылекъ. Онъ порхалъ между всѣми революціонными сообществами, но только понапрасну растеривалъ по дорогѣ свою пыль. Ему рукоплескали, но приступали къ обсужденію заговоровъ только послѣ того, какъ за Аладьинымъ закрывалась дверь. Поэтому нѣтъ такого заговора, инициіаторамъ котораго Аладьинъ не забросилъ бы своей карточки; но, съ другой стороны, едва ли мыслимъ такой заговоръ, въ которомъ Аладьинъ принималъ бы серьезное участіе. Такой заговоръ былъ бы раскрытъ черезъ полчаса.

Но какъ смотрѣлъ на свою революціонную дѣятельность самъ Аладьинъ? Конечно, весьма серьезно. Нѣтъ сомнѣнія, что, даже отъѣзжая забыться отъ государственныхъ дѣлъ на острова, онъ время отъ времени приказывалъ лакею узнать по телефону, не началось ли уже въ такомъ-то флотскомъ экипажѣ возстаніе? Онъ даже пе-

здравленія съ именинами писалъ химическими чернилами, а подаренную Набоковымъ сигару закуривалъ, вѣроятно, не иначе, какъ спичками, головки которыхъ были изъ динамита или нитроглицерина. Когда такія спички давали взрывъ и вѣчно сопровождавшія Аладьина дамы вскрикивали отъ испуга, онъ начиналъ жонглировать бомбочками и, улыбаясь, говорилъ: «Не забывайте, что ремесло революціонера не изъ безопасныхъ».

Но кто такой Аладьинъ и какъ попалъ онъ въ депутаты? Въ сущности, это —это одна изъ легендъ русской дѣйствительности. Во всякомъ случаѣ, это несомнѣнно уже легенда, потому что и сейчасъ она ходитъ въ рядѣ различныхъ версій.

Оффиціальная версія, одобренная историческимъ отдѣломъ центральнаго комитета трудовой группы, такова: Аладьинъ—сынъ крестьянина; невѣдомо какъ попалъ въ гимназію; въ виду исключительныхъ способностей, возбудилъ зависть учителей, и эти «люди въ футлярахъ» добились увольненія Аладьина; но геній взялъ свое, и Аладьинъ прошелъ въ университетъ. Начиная съ 95 года, Аладьинъ дѣлается «виднымъ представителемъ соціалъ-демократическаго движенія среди молодежи», попадаетъ подъ судъ, но, отпущенный на поруки, конечно, бѣжитъ заграницу. Вѣдь не онъ ручался, а за него ручались. Тамъ онъ учится, работаетъ, снова учится, безъ конца учится, а когда дается амнистія—возвращается на родину. Родина привѣтствуетъ своего борца и посылаетъ его депутатомъ.

Но предательская молва вноситъ въ эту оффиціальную редакцію рядъ поправокъ. По слухамъ, въ гимназію Аладьинъ попалъ только благодаря пріютившей его благодѣтельницѣ; въ награду за благодѣяніе она довольно скоро стала замѣчать... Но тутъ уже пошли дѣла семейныя...

Словомъ, изъ гимназіи пришлось скоро уйти... Бѣгство за границу, по слухамъ, сопровождалось значительными матеріальными потерями для поручителей. Во время пребыванія заграницей, по слухамъ, Аладьинъ состоялъ гидомъ при гостиницахъ и, если и посѣщалъ различные университеты, то только сопровождая просвѣщенныхъ путешественниковъ. Въ депутаты Аладьинъ попалъ не потому, что родина хотѣла вознаградить своего героя, а потому, что ловкому гиду удалось овладѣть вниманіемъ растерявшагося подъ вліяніемъ всей происшедшей суматохи провинціальнаго городка, тѣмъ болѣе, что Аладьинъ выдавалъ себя то за безпартійнаго, то за умѣреннаго прогрессиста, а инымъ и за юдофоба.

Такимъ образомъ, этотъ гидъ русской революціи, вдругъ сдѣлавшійся извѣстнымъ, въ сущности, никто иной, какъ опереточный цыганскій баронъ, который вездѣ былъ, все видѣлъ, но никуда возвратиться не можетъ. Съ оттопыренными ушами, въ картузикѣ на бекрень, съ тощенькимъ чемоданчикомъ въ рукѣ, прямо изъ той гостиницы, гдѣ онъ былъ комиссіонеромъ, соскочилъ онъ на русскій политическій горизонтъ, раскланялся и, подбоченясь, сталъ выкидывать свои антраша.

Ему то что! Былъ Аладьинъ и нѣтъ Аладьина. А каково русскому политическому горизонту? Каково должно быть то время, которое рождаетъ Аладьиныхъ?!.

Было бы утомительно не только перечислять, но и просто приводить примѣры аладьинскихъ антраша. Къ чему? Чтобы еще разъ напомнить читателю, какого рода рѣчами занималъ вниманіе Россіи этотъ революціонный мотылекъ?! Это были рѣчи уличнаго мальчугана, которому рѣшительно все равно, что̀ сказать. Человѣкъ безъ задерживающихъ центровъ, именно тотъ, который такъ былъ нуженъ русской безпочвенной революціи, онъ выскакивалъ

каждый разъ, когда, по плану руководителей «парламентской» борьбы, требовался скандалъ. И онъ учинялъ скандалъ. А дамы, и даже дамы изъ общества, подносили ему цвѣты.

Изъ всѣхъ его скандаловъ, однако, самый любопытный, — извѣстный скандалъ изъ-за синяковъ, полученныхъ депутатомъ Сѣдельниковымъ въ уличномъ бою. О Сѣдельниковѣ рѣчь впереди. Это тоже былъ скандалистъ, но нѣсколько особаго рода. Когда однажды побили его на улицѣ, Аладьинъ революціоннымъ мотылькомъ вспорхнулъ на каѳедру и заявилъ, что еще одинъ синякъ подъ глазомъ кого-либо изъ депутатовъ, и вся Россія взлетитъ на воздухъ. Рѣчь была до того неприлична, что даже Набоковъ нашелъ нужнымъ заявить, что проситъ не взрывать на воздухъ Россію, если какой-либо изъ синяковъ достанется на его долю.

Рѣчь Аладьина о сѣдельниковскихъ синякахъ была, сколько помнится, однимъ изъ его послѣднихъ скандаловъ. Вскорѣ послѣ этого онъ уѣхалъ, по порученію Думы, въ Лондонъ на съѣздъ представителей европейскихъ парламентовъ, а тамъ уже былъ изданъ указъ о роспускѣ Думы. Не удалось, слѣдовательно, больше поскандалить...

Выборгскаго воззванія, такимъ образомъ, онъ не подписалъ. Но молчать и тутъ не могъ, и вотъ онъ поспѣшилъ найти корреспондента, которому сообщилъ, что во всѣ концы Россіи онъ уже послалъ гонцовъ, умоляя революцію не мстить за роспускъ Думы. Точность требуетъ добавить, что Аладьинъ сообщилъ это тогда, когда уже опредѣлилось, что населеніе въ массѣ своей вполнѣ одобрило разгонъ такой Думы.

На родину Аладьинъ не вернулся. Онъ не видитъ въ этомъ надобности, такъ какъ имѣетъ свѣдѣнія, что его «неизвѣстно почему» считаютъ причастнымъ къ рево-

люціоннымъ предпріятіямъ. Это возмущаетъ его. Какія предпріятія? Развѣ можно быть настолько слѣпымъ, чтобы думать, что въ Россіи еще нужно устраивать какія-то предпріятія? Вся Россія — одинъ вулканъ. Тутъ дѣйствуетъ уже стихія — говоритъ онъ направо и налѣво.

Но все-таки предпочитаетъ оставаться за границей. Очевидно, «стихія» ему лично не внушаетъ особаго довѣрія.

За послѣднее время распространился слухъ, что Аладьинъ психически боленъ. Мы не вѣримъ этому. Слухи, какъ это слишкомъ очевидно, распространяются его друзьями, которые понимаютъ, что надо же найти этому человѣку хоть какое-нибудь оправданіе. Распространенъ и другой слухъ: говорятъ, что Аладьинъ боленъ тяжелыми гастрическими страданіями. Вотъ этому мы вѣримъ, ибо самый желѣзный желудокъ не выдержитъ рѣзкаго перехода отъ недоѣданія скитающагося изъ отеля въ отель коммиссіонера къ десятирублевому депутатскому окладу. Особенно, если къ тому же имѣется Аладьинскій темпераментъ...

VI.

Кромѣ Жилкина и его безсмѣнныхъ адъютантовъ, т. е, Аникина и Рыжкова, членами комитета группы состояли: Бондаревъ, Борисовъ, Остроносовъ, Субботинъ и Ульяновъ. Характеризовать ихъ каждаго въ отдѣльности значило бы лишь еще и еще разъ повторять одно и то же. Всѣ они, въ сущности, на одно лицо, и въ этомъ-то и заключается ихъ основная характерная черта.

Впрочемъ, чтобы пояснить нашу мысль, разскажемъ въ немногихъ словахъ біографію каждаго изъ этой славной пятерки.

Бондаревъ—учитель женской гимназіи; но учитель съ большими приключеніями. Былъ народнымъ учителемъ,

мыкался по бѣлу свѣту, много голодалъ, держалъ экзаменъ на аттестатъ зрѣлости, кончилъ университетъ, получилъ мѣсто учителя гимназіи только недавно. Борисовъ былъ народнымъ учителемъ, потомъ издавалъ дѣтскій журналъ, потомъ служилъ въ земскихъ управахъ, мыкался по бѣлу свѣту, много голодалъ, получилъ болѣе обезпеченное мѣсто по одному изъ комитетовъ о народной трезвости только недавно. Ульяновъ былъ народнымъ учителемъ, агитировалъ среди крестьянъ, привлекался къ дознаніямъ, даже высылался, мыкался по бѣлу свѣту, много голодалъ, но болѣе обезпеченнаго мѣста еще не успѣлъ получить; онъ раньше времени зарвался и свою прикосновенность къ такъ называемымъ «боевымъ» предпріятіямъ прикрылъ недостаточно хитро.

Нѣсколько иная біографія двухъ остальныхъ: Субботинъ — совсѣмъ еще молодой человѣкъ, студентъ-технологъ, а Остроносовъ — простой ткачъ, едва умѣющій подписывать фамилію. Но, съ другой стороны, вѣдь и Субботинъ является тѣмъ же Бондаревымъ или Борисовымъ, только еще незавершившимъ извѣстнаго цикла жизни, а Остроносовъ,—это тотъ же Субботинъ, но не обласканный счастливой случайностью и потому застрявшій въ ткачахъ, вмѣсто того, чтобы попасть въ мастера или механики, или, быть можетъ, даже въ инженеры.

Всѣ они люди полуобразованные или совсѣмъ необразованные. Всѣ они мыкались, голодали, холодали, всѣ они всю свою жизнь только и думали о томъ, какъ бы выбиться на верхъ, всѣмъ имъ хотѣлось всегда одного:— иного уклада жизни. Не будь Думы, каждый изъ нихъ, помыкавшись въ поискахъ за теплымъ мѣстечкомъ, такъ или иначе, но устроился бы и, пожалуй, даже собственноручно наказывалъ бы своихъ дѣтей за то, что они плохо отца съ матерью почитаютъ. Изъ Бондарева, если бы его

сдѣлали директоромъ гимназіи или даже инспекторомъ, вышелъ бы образцовый «человѣкъ въ футлярѣ», изъ Борисова выработался бы консультантъ по вопросамъ сельскаго хозяйства, которыхъ такъ любятъ помѣщики, а Остроносовъ, если бы его сдѣлали мастеромъ, сталъ бы грозой своихъ ткачей. О Субботинѣ рано говорить такъ опредѣленно: онъ еще студентъ. Кто знаетъ, что изъ него вышло бы, если бы онъ кончилъ курсъ? Теперь, къ сожалѣнію, онъ — политическій дѣятель, и ему, вѣроятно, придется проявить особую силу воли, чтобы вернуться вновь къ лекціямъ, учебникамъ и чертежамъ, если онъ только окончательно не посвятилъ себя революціи.

Объ Ульяновѣ говорить не будемъ. Это типъ русскаго соціалиста-революціонера. Въ этомъ отношеніи онъ ужъ слишкомъ далеко зашелъ и едва ли въ состояніи вернуться къ какому бы то ни было будничному дѣлу. Онъ заговорщикъ, конспиративный человѣкъ, — передъ нимъ обязательства, быть можетъ, онъ связанъ клятвой, семью клятвами, на семи браунингахъ. Что ему за радость садиться за букварь или, ходя по плохо натопленной комнатѣ, диктовать ребятишкамъ «Сказку о рыбакѣ и рыбкѣ». Все равно, что какому-нибудь полководцу вдругъ сѣсть за веретено или начать стирать на людей бѣлье. У Ульянова уже есть «репутація». Его уже караулитъ редакція «Былого», чтобы получить записки, воспоминанія, портретъ. «Ульяновъ въ своемъ цвѣтникѣ» — такъ будетъ подписанъ этотъ портретъ, и на немъ читатели увидятъ Ульянова, сидящаго въ хорошенькомъ цвѣтникѣ, а изъ каждаго кармана Ульянова выглядываетъ по браунингу...

Весь этотъ комитетъ и всѣ трудовики, которые ближе другихъ примыкали къ комитету, за все время засѣданій Думы проявляли необыкновенную энергію. И дѣйствительно: надо было вы[illegible]вать послѣдовательность устраиваемыхъ въ

Думѣ скандаловъ, т. е. вырабатывать и осуществлять «парламентскую» тактику, надо было подготавливать и поддерживать революціонное настроеніе крестьянства, т. е. осуществлять внѣпарламентскую тактику, наконецъ, надо было знакомить съ собой широкіе круги общества, для чего приходилось, конечно, издавать и редактировать газеты. Но рядомъ съ этимъ надо было постоянно устраивать совѣщанія, разсылать на мѣста депутатовъ и руководить ими, вырабатывать такъ называемые «наказы трудовой группѣ отъ крестьянъ», т. е. тѣ наказы, которые комитетъ давалъ самъ себѣ отъ имени разныхъ крестьянскихъ обществъ. Но развѣ это все? Никому изъ описанныхъ лицъ нельзя было также прерывать сношеній съ тѣми сообществами, съ которыми они ранѣе были въ связи; а вѣдь въ Петербургѣ установились новыя революціонныя связи. Поэтому почти всѣ работали на два фронта: и въ качествѣ трудовиковъ, и въ качествѣ членовъ особыхъ сообществъ. Ульяновъ, напримѣръ, какъ соціалистъ-революціонеръ, долженъ былъ редактировать «Народное Дѣло», т. е. одну изъ самыхъ террористическихъ газетъ, когда-либо издававшихся въ Россіи. А Субботинъ? Онъ работалъ едва ли не на три фронта.

Разъ мы уже заговорили объ этихъ особыхъ газетахъ, во главѣ которыхъ стояли депутаты-трудовики, не лишнее заняться хотя краткой ихъ характеристикой. Что это за газеты? Началось съ того, что Жилкинъ, который, впрочемъ, всегда чувствовалъ себя редакторомъ, возымѣлъ вполнѣ естественное желаніе имѣть собственный органъ. Съ этой цѣлью были пущены въ ходъ кое-какія «внѣпартійныя» пружины и раздобыты деньги. Сотрудники готовы: самъ Жилкинъ, Рышковъ, Аникинъ и тотъ десятокъ газетныхъ еврейчиковъ, которые, какъ грибки, рождаются сами отъ себя, какъ только гдѣ-нибудь нужно

«немножко сенсаціонной хроники». За оффиціальным редактором остановки быть не могло. Рядовые члены группы, депутаты отъ крестьянъ, привыкли отбывать должности по наряду. Жилкинъ и привлекъ сначала бывшаго кучера Соломко, который съ трудомъ разбиралъ по печатному, а потомъ пресловутаго Онипко. Впрочемъ, можетъ быть, и раньше Онипко, а потомъ ужъ Соломко. Дѣло лишь въ томъ, что редакторомъ требовалось имѣть непремѣнно депутата, лицо неприкосновенное, слѣдовательно, такое, съ которымъ, предполагалось, власть будетъ церемониться даже тогда, когда онъ неизвѣстно что̀ начнетъ печатать въ своей газетѣ.

Рядомъ съ этимъ соціалъ-революціонеры затѣяли ту же игру. У нихъ, послѣ бѣгства изъ Петербурга Юрицына, редактора «Сына Отечества» и «Нашихъ Дней», не было партійной газеты. Мысль заполучить для газеты отвѣтственнаго редактора въ лицѣ безотвѣтственнаго (по революціонной юриспруденціи, конечно) депутата казалась крайне соблазнительной. Во главѣ дѣла сталъ Черновъ, а отвѣтственность взялъ на себя Ульяновъ, а потомъ Корнильевъ. И опять-таки сотрудники были готовы: тотъ же штабъ трудовиковъ и тѣ же юркіе, сами отъ себя рождающіеся еврейчики.

Итакъ, дѣла у комитета группы было очень много. Попробуемъ реально изобразить день члена этого комитета.

Вставать приходилось поздно. Это понятно: основныя «дѣла» комитета, какъ понятно само собой, требовали покрова ночи. Но только членъ комитета просыпался, какъ надо было торопиться въ Думу. Участвовать въ засѣданіи? Какъ когда! Если день былъ безъ министровъ, и скандалисты не требовались, въ залѣ засѣданій дѣлать было нечего. Но въ помѣщеніи, отведенномъ группѣ, дѣла было по горло. Во-первыхъ, надо было читать до-

несенія съ мѣстъ, отъ агитаторовъ, работавшихъ надъ организаціей крестьянскихъ безпорядковъ въ разныхъ селахъ и деревняхъ. Напримѣръ, пишутъ, что въ такомъ-то уѣздѣ ничего не выходитъ. Надо было немедленно сообразить, кого изъ депутатовъ слѣдуетъ туда послать и какія дать ему инструкціи. Изъ другого уѣзда въ то же время пишутъ, что начались аресты. Приходится повторять циркуляръ о томъ, что, разъ начались аресты, немедленно же должны посылать въ Думу телеграммы съ протестами отъ имени населенія. Во-вторыхъ, наказы. Ахъ, это была очень сложная работа! Правда, текстъ наказа вырабатывался одинъ для всѣхъ мѣстностей, и измѣненія дѣлались уже на мѣстахъ ветеринарами, фельдшерами, волостными писарями и народными учителями, изъ числа тѣхъ, которые не попали въ Думу. Но, съ другой стороны, каждый новый моментъ въ исторіи думской работы и думскихъ настроеній требовалъ немедленныхъ вставокъ въ основной текстъ. Кромѣ того, требовалось вести энергичную переписку съ тѣми, кто на мѣстахъ проводилъ эти наказы въ жизнь. Въ-третьихъ, ходоки, т. е. непосредственные представители отъ народа, шедшіе съ своими нуждами въ Думу. И съ ними вѣдь было не мало возни. Такъ какъ агитаторы изо-дня-въ-день все настойчивѣе заявляли крестьянству, что старое начальство уже ушло и что теперь «новое начальство», т. е. Дума, то нечего удивляться, если многіе темные люди повѣрили. А кто и не повѣрилъ, тотъ все-таки хотѣлъ лично убѣдиться. И вотъ съ разныхъ сторонъ потянулись ходоки...

Пріѣзжали въ Петербургъ, шли къ Таврическому дворцу, и видятъ: дѣйствительно идетъ ихъ Аникинъ или Соломко, или Черниковъ, или Вozовикъ, и городовой ему честь отдаетъ, а сторожъ пальто снимаетъ. Очевидно, люди правду говорили. Теперь ясно, что «онъ» все мо-

жетъ. Ему докладывали о своемъ дѣлѣ. Но рядовой членъ Думы былъ безсиленъ. Необходимо было, выслушавъ ходока, отправить его къ старшимъ, т. е. въ комитетъ. Вотъ и начиналось: надо выслушать, обласкать, накормить, напоить, снабдить «изданіями», направить въ «школу». А школой служило особое помѣщеніе, гдѣ специалисты, преимущественно изъ еврейской молодежи, обучали соціалъ-демократіи, соціалъ-революціи и прочимъ такимъ же наукамъ. Тутъ же обучались и рядовые крестьянскіе депутаты. Кстати, ихъ подучали и грамотѣ.

Не разъ съ ходоками поступали еще проще: ихъ вводили въ залъ засѣданія и сажали на депутатскія мѣста. Что же? Быть можетъ, они даже голосовали? Конечно! Раза два продѣлка была замѣчена приставами, и ходоки извлекались. А сколько разъ продѣлка удавалась?

Но только комитетъ вплотную займется ходоками, вдругъ бѣжитъ Аладьинъ или Сѣдельниковъ. «Господа! Пожалуйте голосовать! Выражаютъ министрамъ презрѣніе!..». Бросаютъ все и бѣгутъ. Кому и за что презрѣніе— въ это никто не входилъ. Прибѣгаютъ запыхавшись, уже Аникинъ на каѳедрѣ, уже Аладьинъ ждетъ очереди, уже Жилкинъ послалъ за Ульяновымъ, который гдѣ-то въ дальнихъ комнатахъ слушаетъ отчетъ о ходѣ пропаганды въ войскахъ...

Но пора отправляться въ редакцію. Тамъ перо макается въ чернила, и на бумагѣ, безъ склада и лада, но быстро выводятся слова: «насиліе... произволъ... умирающій отъ внутренняго гніенія строй... палачи...». Не успѣли высохнуть чернила, какъ уже надо спѣшить или опять въ Думу, или на собраніе съ учащейся молодежью, или въ думскую комиссію, или на какой-нибудь митингъ на фабрикѣ. А вечеромъ назначено «безпартійное» совѣщаніе

гдѣ-нибудь далеко за городомъ, или въ какомъ-нибудь подвалѣ, или еще гдѣ-нибудь въ томъ же родѣ. «Безпартійное»—это значитъ собраніе революціонеровъ всѣхъ родовъ оружія: и холоднаго, и горячаго, и метательнаго. Такъ какъ трудовики были увѣрены, что всѣ ихъ усилія, взятыя вмѣстѣ, должны непремѣнно сдѣлать свое дѣло и даже въ самый короткій срокъ, то они старались не терять ни минуты. Планъ у нихъ былъ почти готовъ, роли почти распредѣлены, а что революціонный народъ, весь, какъ одинъ человѣкъ, встанетъ за каждый волосъ, который падетъ съ ихъ головы,—въ этомъ ихъ увѣряли съ мѣстъ тѣ самые, которыхъ они, въ свою очередь, увѣряли въ томъ же. Мѣстные вѣрили питерскимъ, а питерскіе вѣрили мѣстнымъ, и обѣ стороны потеряли уже способность помнить и понимать, кто кого началъ обманывать. Ночныя засѣданія, поэтому, проходили бурно и въ тонѣ настолько энергичномъ, что терялось всякое представленіе о времени. А разсвѣтъ уже близокъ. Неприкосновенность, конечно, отличный щитъ, но полиція... И приходилось все-таки разставаться. А на-завтра опять такой же «трудовой» день.

Но было еще одно дѣло: установить отношенія съ кадетами. Это было однимъ тѣмъ трудное дѣло, что какъ кадеты ни легкомысленны, но все-таки они болѣе образованы. Даже и самые невѣжественные изъ кадетовъ, какъ-никакъ, но кончили курсъ въ университетѣ. Трудовикамъ это по-неволѣ импонировало. Но кадеты, съ точки зрѣнія трудовиковъ, всегда были и есть эгоисты и трусы. Съ одной стороны, надо было не поддаваться вліянію кадетовъ, съ другой же стороны, неизбѣжно было кое-чему у нихъ учиться. Между тѣмъ кадеты были сильнѣе и имѣли за собой наиболѣе вліятельныя изданія. Съ кадетами нельзя было не считаться. Оставалась одна политика: на-

сѣдать на кадетовъ и при каждомъ случаѣ грозить имъ. И рядомъ съ этимъ надо было вести дѣло такъ, чтобы силой натиска сбивать кадетовъ съ ихъ позицій и увлекать за собой. Чѣмъ дальше шло время, тѣмъ эта задача была все легче и легче. Но вначалѣ, когда кадеты еще тѣшили себя надеждой на близость призванія ихъ къ власти, трудовикамъ приходилось очень туго. Бывали моменты, когда Аникинъ уже готовъ былъ на разрывъ дипломатическихъ сношеній, а Ульяновъ грозно оглядывалъ кадетскій синклитъ, точно намѣчая первую жертву. Но Жилкинъ былъ дальновиднѣе и сдерживалъ своихъ не въ мѣру ретивыхъ сподвижниковъ.

Что еще сказать о комитетѣ? Это онъ вырабатывалъ тѣ пресловутые законопроекты, разсмотрѣнію которыхъ мы посвятили начало нашихъ очерковъ. Онъ же вырабатывалъ и тѣ пресловутые переходы къ очереднымъ дѣламъ, въ которыхъ «презрѣніе къ палачамъ» включалось, какъ обязательный припѣвъ, и которые, хотя почти никогда не принимались Думой, но часто вліяли на общую редакцію кадетскихъ проектовъ. Это онъ же, наконецъ, создалъ въ думскихъ кулуарахъ ту атмосферу увѣренности въ существованіи 130 революціонныхъ милліоновъ,—ту атмосферу, которая, конечно, и была первопричиной роспуска Думы.

Что же? Значитъ, во всякомъ случаѣ, талантливый комитетъ? Но нужно ли повторять сказанное? Если и здѣсь искать талантливости, то что послѣ этого называется бездарностью? Развѣ нуженъ талантъ, чтобы разжечь у неимущаго аппетитъ на чужое имущество? Развѣ нуженъ талантъ, чтобы самому себѣ писать и о самомъ себѣ выкрикивать хвалебные гимны, а въ рѣшительную минуту остаться только при этихъ гимнахъ? Развѣ нуженъ талантъ, чтобы, даже при несомнѣнно благопріятныхъ для

намѣченной цѣли условіяхъ, такъ опредѣленно провалить собственную свою цѣль?..

Если даже отрѣшиться отъ естественнаго чувства скорби—вѣдь, не забывайте, эти наглые опыты продѣлывались надъ родиной; если даже попытаться забыть, что группа какихъ-то полу-людей мяла и комкала своими ручищами лучшее достояніе наше, т. е. едва-едва, съ такими огромными усиліями начавшую зарождаться культуру,—то и тогда развѣ мы не въ правѣ воскликнуть: да, это были несомнѣнные враги русской культуры, несомнѣнные ея разрушители, но бездарные враги, бездарные разрушители...

VII.

Что сказать объ остальныхъ членахъ трудовой группы? Всѣ они, въ сущности, либо крестьяне, которыхъ забрали въ руки разные Жилкины и Аникины и заставили пѣть съ своего голоса, либо тѣ же Жилкины и Аникины, одни—болѣе способные, но тѣмъ болѣе безцеремонные, другіе—менѣе способные, но тѣмъ болѣе жалкіе.

Остановимся только на нѣкоторыхъ изъ всей этой клики. Конечно, на тѣхъ, кто болѣе другихъ скандалилъ и этимъ пріобрѣлъ сравнительно большую извѣстность.

Начнемъ съ Сѣдельникова. Бывшій землемѣръ, выгнанный со службы, главнымъ образомъ, за то, что почти не занимался своимъ дѣломъ, онъ бросился въ омутъ провинціальной агитаціи и, въ отместку властямъ, лишившимъ его мѣста, выбросилъ революціонное знамя. Онъ—оренбуржецъ, но такой же казакъ, какъ Якубсонъ—воинъ за дѣло русскаго народа. Попавъ въ Думу отъ города Оренбурга и понимая, что для революціи имѣетъ извѣстное значеніе протестъ отъ имени казаковъ, онъ сталъ играть

въ представителя Оренбургскаго казачества. Конечно, казаки сейчасъ же отреклись отъ него, но Сѣдельниковъ надѣялся, что Дума не уйдетъ, пока не сдѣлаетъ его казачьимъ атаманомъ, а въ качествѣ таковаго онъ не имѣлъ бы основаній опасаться ни казацкаго гнѣва, ни казацкой мести.

Дума разошлась нѣсколько ранѣе, Сѣдельниковъ еще не атаманъ, и въ результатѣ пришлось скрыться. Такъ кончилъ этотъ лихой казакъ изъ бывшихъ землемѣровъ, начавшій чуть ли не совсѣмъ такъ, какъ Тарасъ Бульба: громилъ направо и налѣво и вообще игралъ въ отчаянную независимость. Подъ покровомъ депутатской неприкосновенности, конечно...

Впрочемъ, Сѣдельникову вообще не везло. Не успѣлъ онъ войти въ положеніе депутата, какъ попалъ въ уличную свалку, изъ которой еле выбрался, но все-таки съ лицомъ достаточно окровавленнымъ. Сунулся на какой-то революціонный митингъ, попробовалъ выступить въ качествѣ оратора, но первый же студентъ доказалъ ему, что даже и въ революціи онъ ничего не понимаетъ. «Буду учиться»,—смиренно отвѣтилъ Сѣдельниковъ подъ хохотъ толпы. Попробовалъ выступить съ какой-то статьей, но сейчасъ же былъ отщелканъ даже своими. Наконецъ, вторично попалъ въ свалку и вторично былъ избитъ въ кровь.

Однако, уваженіе къ этимъ синякамъ! Это были историческіе синяки. Именно изъ-за нихъ Аладьинъ, при благосклонномъ участіи кадета Ледницкаго, грозилъ взорвать на воздухъ Россію. А Сѣдельниковъ стоялъ въ это время на каѳедрѣ и, со счастливой улыбкой собственника столь достопримѣчательныхъ синяковъ, почтительно раскланивался на всѣ стороны и даже, кажется, прижималъ руки къ сердцу.

Недуренъ и Онипко. Уже всѣмъ теперь извѣстно, какой былъ этотъ трудовикъ. Бывшій волостной писарь,

обладающій общимъ для трудовиковъ цензомъ, т. е. свидѣтельствомъ объ окончаніи сельской школы, онъ выступалъ въ Думѣ въ качествѣ виднаго дѣятеля группы, считался редакторомъ партійной газеты, заставлялъ кадетовъ уступать ему очередь во время думскихъ преній, вообще велъ себя, какъ какой-нибудь Жоресъ. Но по справкѣ оказалось, что менѣе, чѣмъ за годъ до открытія Думы, онъ униженно просилъ ставропольскаго губернатора дать ему мѣсто становаго пристава. Какъ жаль, что губернаторъ не исполнилъ скромной просьбы Онипко. Во-первыхъ, было бы однимъ энергичнымъ становымъ больше, во-вторыхъ, однимъ Жоресомъ было бы у насъ меньше!..

Сейчасъ же послѣ роспуска Думы Онипко попался въ Кронштадтѣ во время мятежа. Замыслы, очевидно, были большіе, но въ результатѣ получился только рядъ безсмысленныхъ и гнусныхъ убійствъ. Трудовики тотчасъ же повели агитацію съ цѣлью освободить одного изъ своихъ главарей отъ законной отвѣтственности. Но и изъ этого ничего не вышло: Онипко все-таки подвергся слѣдуемому по дѣламъ его наказанію. Конечно, трудовики тогда еще не знали, что они хлопочатъ, въ сущности, въ пользу неудавшагося становаго пристава. А если бы знали? Стали бы они такъ хлопотать? Или для нихъ и тутъ вопроса нѣтъ?!...

Недуренъ и профессоръ Локоть. Это очень туго склоняемый профессоръ: Локоть, Локотя, Локотю, о Локотѣ... Даже не выговоришь!... Но за то передъ нимъ склоняли свои выи и самъ Жилкинъ, и самъ Аникинъ. Не потому, конечно, чтобы считали его заслуживающимъ уваженія. О, они знали ему цѣну! Но только потому, что имъ недоставало имѣть своего профессора. Свои учителя были, свои землемѣры, свои бывшіе ростовщики, рядъ собственныхъ евреевъ, былъ даже одинъ мореходецъ, но не было своего

профессора. Профессоръ Александрійскаго института, да еще по каоедрѣ «частной экономіи». Должно быть, очень трудная наука, потому что профессоръ Локоть всегда имѣлъ видъ сильно вспотѣвшаго человѣка. Но едва ли очень популярная наука, потому что даже кадетскіе профессора, которые все на свѣтѣ знаютъ, недоумѣвали, что за каоедру такую занимаетъ профессоръ Локоть.

Локоть у себя въ институтѣ славится... Познаніями? Талантомъ? О, нѣтъ! Развѣ былъ бы онъ въ такомъ случаѣ тѣмъ Локотемъ, какимъ мы его теперь знаемъ? Онъ славится своей озлобленностью. Такъ и говорятъ о немъ: «Пожалѣйте его; онъ, бѣдный, знаете, съ дѣтства очень озлобленъ!»... А такъ какъ всѣ такіе люди легко рѣшаются на дерзости, то поэтому съ нимъ, по возможности, избѣгаютъ встрѣчъ. Но въ Думѣ этотъ господинъ вдругъ попалъ въ атмосферу, насыщенную дерзостью. Легко представить, какъ должна была вдругъ раздуться эта «трудовая печень». Она не отошла и до сихъ поръ, что можно видѣть изъ его книги о «первой Думѣ», которую онъ недавно выпустилъ. Книга эта несомнѣнно написана очень сквернымъ перомъ, которое весьма недалекій человѣкъ, очевидно, макалъ въ очень застоявшуюся желчь...

Изъ трудовыхъ евреевъ заслуживаютъ вниманія двое: Якубсонъ изъ Гродно и Брамсонъ изъ Ковно. Пара честныхъ присяжныхъ повѣренныхъ, честно зарабатывавшихъ свой хлѣбъ честной трудовой нормой по взысканіямъ по векселямъ. Оба—большіе политическіе дѣятели. Одинъ въ своемъ Гродно «немножко осторожно» будировалъ и бундировалъ, другой въ своемъ Ковно и бундировалъ и будировалъ. Оба были немножко замѣчательные ораторы, хотя одинъ изъ нихъ—Якубсонъ былъ несомнѣнно и немножко неосторожный ораторъ. Онъ оскорбилъ въ одной изъ своихъ рѣчей русское офицерство, былъ вызванъ на дуэль, но,

какъ честный еврей, заявилъ, что изъ принципа не признаетъ дуэли. Поэтому, похорохорившись недѣлю-другую, принесъ «совсѣмъ категорическое» извиненіе.

Въ началѣ Якубсонъ былъ кадетомъ, но, по мѣрѣ хода думскихъ дѣлъ, сталъ лѣвѣть. Долѣвѣлъ до того, что, какъ только закрыли Думу, сейчасъ же бѣжалъ заграницу. «Пхе!»—говорятъ, воскликнулъ онъ, убѣгая—«и все-таки заграницей немножко поспокойнѣе честному трудовику!»...

Къ этой парѣ слѣдовало бы присоединить и Дитца. Онъ хоть и не еврей, но также повѣренный по судебнымъ дѣламъ и также съ репутаціей. По крайней мѣрѣ, разговоровъ на эту тему много. Сфера вліянія—нѣмцы-колонисты. Впрочемъ, объ его подвигахъ придется еще разсказывать особо.

Къ этой же категоріи долженъ былъ отнесенъ и Заболотный. Онъ извѣстенъ [какъ честный труженикъ на поприщѣ мелкаго ходатайствованія по дѣламъ, но, конечно, съ крупнымъ для себя прибыткомъ. Какъ извѣстно, самый фактъ избранія его въ депутаты (отъ Подольской губерніи) вызвалъ рядъ живѣйшихъ протестовъ. Опираясь на то, что выборщики отъ крестьянъ должны избрать одного изъ крестьянъ, онъ чуть ли не держалъ выборщиковъ подъ стражей, запрещалъ кому бы то ни было входить въ особое помѣщеніе, занятое крестьянами, вліялъ на каждаго выборщика въ отдѣльности и т. д.

Но это не все. Сама по себѣ біографія Заболотнаго не лишена интереса. Мѣстныя изданія разсказываютъ, что это тотъ самый Заболотный, который, будучи еще кіевскимъ студентомъ, успѣлъ такъ устроиться въ цѣломъ рядѣ богатыхъ кіевскихъ домовъ, что товарищи стѣснялись признавать его своимъ. Онъ гувернерствовалъ, сопровождалъ своихъ питомцевъ заграницу, былъ чтецомъ у скучающихъ аристократовъ, наконецъ, жилъ въ Швей-

паріи уже «на свои средства». Когда и это надоѣло, онъ вновь вернулся въ Кіевъ къ благодѣтелямъ и сталъ понемногу входить въ новую роль: сначала—исполнителя мелкихъ дѣловыхъ порученій, а потомъ—и управляющаго дѣлами болѣе или менѣе богатыхъ людей. На одномъ дѣлѣ произошла для Заболотнаго заминка. Его обвинили въ растратѣ на сумму свыше 25.000 рублей и подвергли предварительному заключенію. Присяжные признали фактъ растраты, но Заболотнаго оправдали. Интересно также и то, что вся защита на судѣ была построена Заболотнымъ на альтернативѣ: «или оставьте меня въ покоѣ, или я разоблачу факты, щекотливые для семейной чести обвинителя».

Тѣ же газеты идутъ, однако, и дальше. Разсказываютъ, что описанный случай, доведшій Заболотнаго до суда, не остановилъ его «трудовой» дѣятельности. Уже кончивъ курсъ (послѣ 14 лѣтъ студенчества) и переѣхавъ въ Житоміръ, Заболотный попалъ въ новую передрягу. Основа передряги—американскій дядюшка съ милліонами, жертва—нѣкій Тесляковъ, соблазнившійся этими милліонами, а роль Заболотнаго—роль адвоката, взявшаго на расходы у павшаго Теслякова и истратившаго эти деньги на себя. Кончилась исторія тѣмъ, что Тесляковъ простилъ Заболотнаго и даже подарилъ ему свое старое платье и бѣлье, потребовавъ лишь, чтобы онъ вышелъ изъ состава помощниковъ присяжныхъ повѣренныхъ и уѣхалъ изъ Житоміра.

Прямой путь послѣ всего этого—въ Думу, въ качествѣ виднаго «трудовика», соціалиста, реформатора, новаго человѣка. Недурно?!.

Любопытенъ и еще одинъ адвокатъ изъ числа видныхъ трудовиковъ. Это нѣкто Недоносковъ. За нимъ также числятся дѣла, но нѣсколько иного рода. Это—

человѣкъ горячій. Онъ неспособенъ такими медленными путями, какъ Заболотный, отвоевывать свою жизненную трудовую норму. Вотъ одно изъ его дѣлъ: въ августѣ прошлаго года Недоносковъ, гуляя въ саду въ городѣ Уральскѣ, встрѣтилъ одну знакомую, о чемъ-то побесѣдовалъ съ нею, послѣ чего выбранилъ ее послѣдними словами, а затѣмъ далъ нѣсколько пощечинъ. Его судили, наказали. Рыцарь! Къ какой партіи, спрашивается, долженъ былъ примкнуть такой депутатъ? Ну, конечно, къ трудовикамъ...

Недуренъ и священникъ Афанасьевъ. Пока не было свободъ, онъ былъ однимъ изъ тѣхъ требоисправителей, о которыхъ въ народѣ говорятъ, что «житье поповское— доброе житье». Но со свободами онъ быстро сталъ терять голову. Начитался ли онъ прокламацій, или подпалъ подъ революціонныя вліянія, но только вскорѣ сталъ заговариваться и отъ имени своей станицы выступилъ съ такими заявленіями, какихъ, вѣроятно, еще не дѣлалъ ни одинъ русскій священникъ, кромѣ покойнаго Гапона. Попавъ въ Думу, онъ началъ все-таки съ нѣкоторой оглядкой. Скоро, однако, онъ рѣшилъ, что церемониться больше нечего и развернулся во всю величину своей семинарской необузданности. Особенно была любопытна его выходка по вопросу о смертной казни: ссылаясь на свое званіе священнослужителя, онъ возставалъ противъ крови, но рядомъ съ этимъ шелъ рука объ руку съ тѣми, кто требовалъ крови и въ морѣ крови видѣлъ рѣшеніе вопросовъ.

Изъ остальныхъ заслуживаетъ нѣкотораго вниманія Трасунъ, латышъ, но образованный и неглупый, какъ каждый католическій ксендзъ, несомнѣнный революціонеръ, но человѣкъ хоть съ подобіемъ плана, который не просто несъ всякій вздоръ, а опредѣленно преслѣдовалъ свои латышскія и католическія цѣли. Слѣдуетъ особо отмѣтить

и Михайличенко, неглупаго слесаря, издавна занимающагося революціоннымъ дѣломъ и набившаго на немъ руку. Человѣкъ, который, какъ истый рабочій, не мирится ни на какихъ компромиссахъ и требуетъ всего безъ остатка. Если бы онъ сталъ во главѣ конвента, онъ не удовлетворился бы однимъ, двумя десятками тысячъ головъ. А сколько головъ удовлетворило бы его—онъ и самъ не знаетъ.

Въ томъ же родѣ, но нѣсколько все-таки культурнѣе, другой рабочій—Савельевъ, московскій наборщикъ, человѣкъ, котораго сдѣлала революціонеромъ работа на такъ называемыхъ прогрессивныхъ изданіяхъ. Наслушался, начитался (болѣе, конечно, по корректурнымъ обрывкамъ), надышался революціоннымъ воздухомъ, а тутъ еще выбрали въ депутаты; вотъ и образовалось сознаніе, что что-то надо дѣлать, что-то надо говорить, на чемъ-то надо настаивать.

Довольно замѣтную фигуру представляетъ собой еще Шапошниковъ, о которомъ, какъ о Рыпковѣ, трудовики весьма высокаго мнѣнія. Ужъ очень образованіе у него огромное: кончилъ учительскую семинарію. Кромѣ того, онъ всю Европу знаетъ, такъ какъ въ 1890 году бѣжалъ отъ преслѣдованія по политическимъ дѣламъ заграницу и тамъ скитался среди эмигрантовъ. Чѣмъ онъ только не былъ: и волостнымъ писаремъ, и конторщикомъ, и народнымъ учителемъ, и рабочимъ. Однимъ словомъ, прошелъ огонь, воду и мѣдныя трубы. Ему ли не быть революціонеромъ?

Объ остальныхъ и говорить не стоитъ. Вотъ Волковъ и Кукановъ, народные учителя, изъ которыхъ Кукановъ сталъ революціонеромъ только тогда, когда его забрала въ руки его товарка по школѣ; вотъ Тарасенко и Вововикъ, бывшіе волостные писаря, дѣятельность которыхъ въ волости вызывала постоянныя нареканія какъ крестьянъ,

такъ и властей, прошедшіе въ Думу случайно; вотъ суровый поморъ Вихаревъ, родственникъ Сазонова, убійцы покойнаго Плеве; вотъ волостной старшина Мишинъ, прошедшій на выборахъ подъ флагомъ союза 17-го октября, но сдѣлавшійся соціалистомъ въ двѣ недѣли; вотъ мстительный Пустовойтовъ, который готовъ на какую угодно революцію, чтобы отомстить своему земскому начальнику, изъ-за пустяка уволившему его съ должности волостного старшины; вотъ Кутомановъ, Воловичъ, Овчинниковъ, Кальяновъ — люди съ опредѣленнымъ революціоннымъ прошлымъ; вотъ безталанный суетливый соціалистъ-революціонеръ Корнильевъ, плохой врачъ и едва ли даже толковый революціонеръ. Впрочемъ, революціонеры его одобряютъ.

Не стоитъ, въ сущности, и говорить обо всей этой мелочи. Тамъ, у себя, въ своихъ группахъ, подгруппахъ, на районныхъ и подрайонныхъ собраніяхъ, многіе изъ нихъ, вѣроятно, уже сейчасъ считаются лицами крупнаго историческаго значенія. Но, съ точки зрѣнія общаго хода событій, это не больше какъ самая обыкновенная человѣческая мелочь, это тѣ мыши, которыя возятся въ подпольѣ — и тѣмъ громче возятся, чѣмъ рѣже раздаются окрики на ихъ возню.

Не можемъ, однако, не закончить указаніемъ еще на одного трудовика. Это нѣкто Алехинъ, бывшій портъ-артурецъ, избранный въ Думу за то, что во время войны твердо стоялъ за Царя и Русь. «Человѣкъ богобоязненный» — говорили о немъ крестьяне. Да онъ и былъ такимъ. Но, пріѣхавъ въ Думу, онъ попалъ въ цѣпкія лапы «учителей», и въ самый короткій срокъ изъ него сдѣлали соціалиста и агитатора.

А вотъ и еще фактъ, но уже въ иномъ родѣ: былъ такой депутатъ Богачъ, который и считать-то умѣлъ только

до ста. Его взяли въ обработку трудовики и сдѣлали изъ него соціалиста. Вернулся онъ домой послѣ роспуска Думы и... попался въ похищеніи пары свиней у одного изъ своихъ односельчанъ!..

Эту «пару свиней» совѣтуемъ Жилкину включить въ печать его партіи. Пусть это будетъ своего рода memento mori трудовой группы...

VIII.

Трудовиковъ нельзя оцѣнить по достоинству, если не знать, какъ они пользовались своимъ званіемъ депутата для революціонныхъ цѣлей. Между тѣмъ, конечно, всѣ ихъ выходки въ Думѣ и вся ихъ литературная дѣятельность, т. е. изданіе разныхъ петербургскихъ газетъ, въ родѣ «Крестьянскаго Депутата», «Мысли» и др., ничто, въ сравненіи съ тѣмъ, что въ этомъ смыслѣ они продѣлывали на мѣстахъ, куда ихъ по опредѣленному плану разсылалъ комитетъ группы.

Начнемъ съ самаго сравнительно безобиднаго трудовика, Алехина, того самаго, который ѣхалъ въ Думу съ твердымъ желаніемъ постоять за Царя, за Русь, но въ двѣ недѣли превратился въ трудовика. 18-го іюня онъ прибылъ на родину въ село Ольшанское, Орловской губерніи. Пріѣхалъ и сейчасъ же открылъ пріемъ приговоровъ о землѣ. Для большаго успѣха агитаціи онъ послалъ въ окрестныя села агентовъ изъ крестьянъ же. Агенты должны были объяснять, что вопросъ уже рѣшенъ Думой и что Думѣ надо только знать, сколько каждому селу нужно земли. Кстати, рекомендовалось подписать и привезенный съ собой Алехинымъ текстъ наказа «крестьянскимъ депутатамъ». Тамъ все было обозначено: и отвѣтственное министерство, и свободы, и требованіе о дарованіи амнистіи «всѣмъ бор-

цамъ за свободу», и требованіе объ отмѣнѣ смертной казни.

При отъѣздѣ Алехина на ст. Ливенской собралось до тысячи человѣкъ. Алехинъ заявилъ, что онъ разрѣшаетъ митингъ. Сейчасъ же нашелся студентъ-еврей, который открылъ пренія. Когда явилась полиція, толпа стала кричать «долой полицію», а студентъ-еврей приказалъ снять всѣмъ шапки и пропѣть похоронную «борцамъ за свободу», павшимъ «отъ рукъ враговъ народа». Но, конечно, этотъ же еврей, ухватившись за депутата, уѣхалъ съ нимъ, прикрываясь его неприкосновенностью.

Другой членъ группы—Возовикъ, бывшій волостной писарь, «работалъ» въ концѣ іюня въ Екатеринославской губерніи. Въ двухъ-трехъ мѣстахъ ему удалось собрать сходы безъ разрѣшенія властей и безъ вмѣшательства таковыхъ. Но въ селѣ Новотроицкомъ, куда собралось до полуторы тысячъ крестьянъ, депутатъ столкнулся съ исправникомъ. Возовикъ уступилъ и распустилъ сходъ, но его агенты продолжали дѣлать свое дѣло, и въ результатѣ явились «наказы» и привѣтствія трудовикамъ.

Третій депутатъ—Волковъ, бывшій сельскій учитель, оказался энергичнѣе Возовика. Подготовивъ сначала почву при помощи брата и двухъ мѣстныхъ учителей, онъ пріѣхалъ на родину лишь тогда, когда узналъ, что броженіе тамъ уже въ полномъ разгарѣ. Крестьянамъ онъ такъ прямо и заявлялъ: вопросъ рѣшенъ, земля уже крестьянская, и надо только выбрать вѣрныхъ людей, чтобы изъ нихъ устроить комитетъ для распредѣленія отнимаемой у помѣщиковъ земли. Когда на одинъ изъ собранныхъ Волковымъ митинговъ прибылъ мѣстный жандармъ, Волковъ прогналъ его бранью и угрозами. Но и этимъ не удовольствовался. Онъ тутъ же призвалъ содержателя почты и запретилъ ему давать лошадей для разъѣздовъ администраціи. Шелъ ли онъ

на митингъ, возвращался ли съ него, онъ требовалъ, чтобы его сопровождалъ почетный караулъ отъ крестьянъ и непремѣнно съ красными флагами. Когда онъ уѣхалъ въ Петербургъ, начались аграрные безпорядки въ четырехъ волостяхъ, а въ имѣніи графа Шереметева была объявлена забастовка, къ которой примкнули восемь деревень.

Недуренъ и трудовикъ Враговъ. У себя на родинѣ онъ произнесъ толпѣ рѣчь, въ которой призывалъ не слушать властей, потому что это «не власти, а крамольники». Власть идетъ противъ Царя, а вѣрно служитъ Царю только Дума. Но главное,—просилъ онъ, — надо какъ можно чаще писать и телеграфировать Думѣ, которая въ награду за это дастъ крестьянамъ столько земли, сколько имъ нужно.

Депутатъ Выровой, пріѣхавъ въ Черкасы, собралъ въ помѣщеніи сахарнаго завода митингъ въ двѣ тысячи человѣкъ и сказалъ слѣдующую рѣчь: «Дума требуетъ удаленія министровъ; но за что? За то, что они казнокрады, убійцы, погромщики, угнетатели народа, палачи. Дума требуетъ земли крестьянамъ, а министры не даютъ. Они не хотятъ знать, что земля Божья». Затѣмъ ораторъ перешелъ къ характеристикѣ мѣстныхъ землевладѣльцевъ и сталъ доказывать, что пора перестать работать на этихъ вампировъ, которые высасываютъ народную кровь, чтобы потомъ тѣшиться въ разныхъ Парижахъ. «Это тунеядцы и бездѣльники»,—кричалъ онъ. «Ихъ надо раздавить, какъ гадовъ». Чтобы опредѣленнѣе подчеркнуть свои конечныя цѣли, ораторъ перешелъ затѣмъ къ вопросу о возможности роспуска Думы. «Братцы,—кричалъ онъ,—говорятъ, что наши палачи хотятъ распустить Думу. Тогда вы всѣ должны встать за насъ и приняться за нихъ». Но этой рѣчью митингъ не закончился. Сейчасъ же за Выровымъ выступили все время сопровождавшіе его евреи, и рѣчи, одна другой зажигательнѣе, слѣдовали до глубокой ночи. Два другихъ

дня были посвящены на составленіе приговоровъ и телеграммъ. Подъ конецъ, однако, Выровой не выдержалъ и такъ напился, что пришлось составить протоколъ о его буйствѣ.

Депутатъ Диденко дѣйствовалъ въ томъ же родѣ, но такъ какъ ему были поручены не крестьяне, а рабочіе желѣзно-дорожныхъ мастерскихъ (онъ «работалъ» въ Харьковѣ), то приходилось все-таки остерегаться. Собранія устраивались по ночамъ и тайно. Попалъ онъ и на заводъ Гельферихъ-Саде. Тамъ онъ прямо призывалъ къ вооруженному возстанію. Его агенты, отъ его имени, агитировали на другихъ заводахъ. Диденко отбылъ для участія въ «государственныхъ» работахъ Думы, и сейчасъ же вездѣ, гдѣ онъ агитировалъ, начались забастовки.

Если читатель помнитъ, въ одной изъ предыдущихъ главъ мы обѣщали поговорить подробнѣе о депутатѣ Дитцѣ. Въ самой Думѣ онъ сравнительно мало былъ замѣтенъ. Его основные подвиги — внѣ Думы. Въ концѣ іюня онъ, вмѣстѣ съ депутатомъ Антоновымъ и, какъ полагалось трудовику, въ сопровожденіи студентовъ-евреевъ (одинъ изъ нихъ — извѣстный агитаторъ), попалъ въ Бердичевъ. Ко времени прихода поѣзда мѣстная еврейская молодежь пыталась устроить манифестацію, но полиція во-время узнала объ этомъ и предупредила ее. Кое-кому все-таки удалось пробраться къ «избранникамъ народа», а въ результатѣ отъ бердичевцевъ также посыпались телеграммы и привѣтствія трудовикамъ.

Но это лишь мелкій эпизодъ изъ похожденій Дитца. Вся его поѣздка была въ томъ же родѣ. Его сопровождали евреи и всюду, куда онъ ни попадалъ, происходило то же самое: рѣчи, призывы, раздача прокламацій. Отовсюду, откуда онъ уѣзжалъ, посылались привѣты и наказы, всегда одного и того же содержанія, всегда отъ имени «всего»

города, «всего» села и проч. Комитетъ трудовиковъ не напрасно считалъ Дитца однимъ изъ самыхъ полезныхъ членовъ группы.

Пресловутый Заболотный также ѣздилъ агитировать, и такъ какъ лозунгъ, съ которымъ онъ ѣздилъ, былъ все тотъ же, т. е. чужая земля, то, конечно, и результаты были все тѣ же: приподнятое настроеніе въ цѣломъ рядѣ селъ, наказы, привѣтствія, телеграммы. Но самъ по себѣ Заболотный былъ все-таки только комиченъ. Онъ велъ себя во время поѣздки настоящимъ Хлестаковымъ. Такъ, заявлялъ, что депутатъ—особа, приближаться къ которой нельзя безъ его согласія, что номеръ гостиницы, въ которомъ остановился депутатъ, неприкосновененъ, и что никто не въ правѣ входить въ него безъ особаго доклада, что депутатъ имѣетъ въ Петербургѣ огромную власть и т. д. Онъ входилъ въ обсужденіе разныхъ жалобъ, чуть ли не чинилъ судъ и расправу. Крестьянамъ онъ приказывалъ писать прямо въ Думу. Дѣло дошло до того, что мѣстами стали снаряжать въ Думу ходоковъ, и одному изъ нихъ, указанному самимъ Заболотнымъ, дали на дорогу денегъ... Интересно бы узнать судьбу этихъ денегъ!..

Михайличенко орудовалъ въ Валуйскомъ уѣздѣ, а Рышковъ въ Славяносербскомъ уѣздѣ. Эти уже дѣйствовали по всѣмъ правиламъ революціоннаго катехизиса и добились того, что сейчасъ же послѣ ихъ отъѣзда въ посѣщенныхъ ими мѣстностяхъ стали разыгрываться довольно крупные безпорядки. Лозунгъ былъ все тотъ же: для крестьянъ—чужая земля, для рабочихъ—8-часовой день. Не менѣе ихъ отличался и Субботинъ, ѣздившій по Тверской губерніи.

Скучно, да, въ сущности, и незачѣмъ разсказывать подробности этихъ поѣздокъ, а равно и поѣздокъ, устроен-

ныхъ другими трудовиками. Все то же, все то же. Разъ прошло отъ края до края, что въ Петербургѣ есть люди, которые во всеуслышаніе бранятъ послѣдними словами министровъ, и что имъ за это никакого наказанія не полагается, то совершенно естественно, что на мѣстахъ явилось стремленіе игнорировать всякую мѣстную власть. Тѣ же люди, однако, не только бранятъ министровъ, но и говорятъ, что собираются отобрать помѣщичью землю и отдать ее крестьянамъ. Мало того: они сами пріѣзжаютъ въ села и деревни и говорятъ то же самое отдѣльнымъ сходамъ. Удивительно ли, если вездѣ, куда они ни пріѣзжали, они имѣли такой успѣхъ? Съ точки зрѣнія трудовой группы, это былъ успѣхъ программы, извѣстной доктрины. И они гордились этимъ успѣхомъ. Они печатали наказы, которые послѣ такихъ поѣздокъ получались съ мѣстъ, привѣтствія, телеграммы съ выраженіемъ сочувствія. Въ кулуарахъ Думы на видныхъ мѣстахъ выставлялся весь этотъ матеріалъ, ими самими сфабрикованный. И едва ли, конечно, многіе изъ нихъ понимали истинное значеніе этого матеріала, т. е. то, что успѣхъ, правда, есть, но успѣхъ особый, успѣхъ взбудораженнаго инстинкта, который искусственно направленъ на разбой и грабежи. Это былъ тотъ успѣхъ, который, если бы дать ему разгорѣться, обратилъ бы страну въ груду развалинъ и не только не повелъ бы къ созданію мерещившагося трудовикамъ новаго строя, но, послѣ братоубійственной войны, далъ бы въ результатѣ самую жестокую, самую непримиримую реакцію.

Какъ люди глубоко невѣжественные и безнадежно омраченные, они дѣйствовали въ слѣпую. Они избрали простѣйшую тактику, потому что видѣли въ ней ближайшій путь къ той единственной цѣли, которую они въ состояніи были понять, т. е. къ разрушенію. Какъ дѣйствовав-

шіе въ слѣпую, они тѣшили себя мыслью, что разрушить значитъ создать, и всѣ силы, всю свою дѣйствительно выдающуюся энергію они направили въ эту точку. И долбили въ нее, долбили безъ устали и перерыва, радуясь каждому взрыву народныхъ страстей, каждой вспышкѣ разошедшагося инстинкта.

Если угодно, нельзя винить въ этомъ однихъ трудовиковъ. Они—неучи, они—тѣ полуголодные разночинцы, та человѣческая накипь, которая должна была образоваться въ странѣ, гдѣ меньшинство уже пресытилось культурой, а большинство пребываетъ еще въ совершенной тьмѣ. Отъ такихъ нечего требовать. Ничего другого и нельзя ждать отъ Жилкиныхъ, Аникиныхъ и имъ подобныхъ! Но то, что считали своимъ успѣхомъ трудовики, было сочтено за успѣхъ и многими другими, болѣе культурными группами депутатовъ. Вотъ этого никогда Россія не проститъ первой Думѣ.

А что въ «успѣхъ» трудовиковъ повѣрили, напримѣръ, и кадеты — это внѣ сомнѣнія. Иначе кадеты не позволили бы такъ глупо посадить себя въ мышеловку, на крючкѣ которой висѣла такая жалкая приманка, какъ «обращеніе къ народу», и никогда не позволили бы они затащить себя въ Выборгъ, гдѣ былъ испеченъ ими этотъ жалкій «выборгскій крендель»...

Возвращаясь къ вопросу объ этихъ поѣздкахъ трудовиковъ на родину, отмѣтимъ двѣ характерныя ихъ черты: 1) всякій депутатъ ѣздилъ и дѣйствовалъ въ сопровожденіи двухъ-трехъ студентовъ-евреевъ и 2) уѣзжая, каждый депутатъ оставлялъ послѣ себя революціонную организацію. Эти черты весьма любопытны. Онѣ показываютъ, что, въ большинствѣ случаевъ, собственно депутаты играли лишь служебную роль и что за кулисами трудовой группы дѣй-

ствовали совсѣмъ не тѣ силы, которыя были на виду. Судя по тому, что вездѣ фигурировали непремѣнно евреи, легко понять, что̀ это были за силы и въ чемъ тутъ дѣло.

Конечно, опредѣленныхъ границъ тутъ не провести. Явныя и тайныя силы слились въ одно цѣлое; самый переходъ тайныхъ силъ въ явныя и наоборотъ могъ происходить только незамѣтно. Но какъ не обратить вниманія на то, что трудовая группа, состоявшая исключительно изъ людей, у которыхъ никогда за душой не было ни одного мѣднаго гроша, находила средства для изданія своихъ газетъ, для печатанія всякаго рода книгъ, брошюръ, воззваній, для этихъ поѣздокъ депутатовъ на родину? Что же, какой-нибудь Выровой ѣздилъ на свой счетъ? Если онъ не только ѣздилъ, а еще напивался пьянымъ, то не на свое же депутатское содержаніе, изъ котораго, навѣрное, большую половину долженъ былъ посылать домой. Слѣдовательно, у группы были деньги. Кто же давалъ имъ эти деньги? Депутатъ Заболотный? Депутатъ Якубсонъ? Депутатъ Аладьинъ? Вотъ въ томъ-то и дѣло...

IX.

Итакъ, всѣ эти люди, вся эта «парламентская» группа Жилкиныхъ, Аникиныхъ, Шапошниковыхъ, вся эта накипь русской общественности, какъ, спрашивается, смотрѣли они на Думу? Мы увѣрены, что уже нѣтъ надобности въ дальнѣйшихъ доказательствахъ, чтобы имѣть право утверждать, что Дума была для нихъ только главной квартирой революціонныхъ организацій. Въ званіи депутата они видѣли только тѣ цѣнныя качества, которыя связаны съ представленіемъ о депутатской неприкосновенности; въ засѣданіяхъ Думы они цѣнили только ту ихъ особенность,

что митинги, изо дня въ день тамъ устраивавшіеся (вмѣсто государственной работы), не разгонялись полиціей, а рѣчи, произносившіяся на этихъ митингахъ, даже стенографировались, не говоря уже о томъ, что передавались во всѣ газеты столицы, провинціи и даже Западной Европы. Этого мало: печатались и въ «Правительственномъ Вѣстникѣ». Впрочемъ, послѣднее скоро было прекращено.

Они разсуждали весьма просто: никакой работы не можетъ быть въ Думѣ, потому что всякая работа только на руку «подгнившему» строю. Надо вырвать съ корнемъ все старое, надо разрушить это старое до основанія, испепелить его, вмѣстѣ съ его учрежденіями, людьми и предразсудками. А когда это будетъ сдѣлано, тогда придетъ невѣдомый, но великій Хамъ и поразитъ человѣчество силой своего свободнаго творчества.

Будемъ вѣрить этимъ людямъ и скажемъ вмѣстѣ съ ними: «Еще не настало время творчества, а пока идетъ лишь гигантское дѣло разрушенія». Это ихъ любимая формула. Слѣдовательно, великій Хамъ еще въ туманной дали, а они лишь предтечи его, тѣ хамята, которые, пока что, съ гамомъ, съ крикомъ, съ истерическими воплями впились во всѣ устои нашей государственности и общественности, но не столько осилили ихъ, сколько натеребили, набезобразили, наслѣдили...

Тѣмъ хуже! Тѣмъ, слѣдовательно, отвратительнѣе ихъ историческая роль, и тѣмъ болѣе права у каждаго, кто любитъ родину, считать ихъ ея злѣйшими врагами...

Что было бы, если бы не послѣдовалъ указъ о роспускѣ Думы? Страшно вспомнить! Инстинкты уже разнуздались; уже цѣлыя мѣстности были погружены въ мракъ того душевнаго состоянія, когда нѣтъ вѣры ни въ Бога, ни въ чорта, и когда подъ сердце подкатывается тотъ отвратительный клубокъ, который не позволяетъ уже безъ зависти

смотрѣть на чужое благосостояніе; уже стала образовываться цѣлая рать тунеядцевъ, которая, подъ кличками «сознательныхъ» «безработныхъ», «народныхъ дѣятелей», сосредоточила всѣ помыслы и энергіи на грабежѣ и разбоѣ; уже стали колебаться всѣ тѣ, кто во-очію видѣли, что выгоднѣе быть безработнымъ, чѣмъ изо дня въ день корпѣть надъ тяжелымъ трудомъ ради куска хлѣба; уже зарево пожаровъ стало освѣщать самые мирные уголки нашей родины—много ли нужно было, чтобы все это слилось, смѣшалось, образовало одинъ огромный узелъ и чтобы еще недавно величественная Россія, попавъ въ этотъ узелъ, нашла въ немъ свою мучительную смерть?!...

Если бы роспускъ Думы состоялся раньше, въ умахъ политически невоспитанныхъ массъ могло бы, пожалуй, остаться сомнѣніе. Предтечи великаго Хама, поднявшаго свою силу противъ нашей родины, еще не успѣли бы сорвать съ себя фиговый листокъ, прикрывавшій ихъ наготу и оголтѣлость. Если бы Дума была распущена нѣсколько позже, пожалуй, уже нельзя было бы обойтись безъ страшной катастрофы. Дума была распущена какъ разъ въ моментъ: уже слишкомъ многое готовилось, но еще слишкомъ многое не было готово...

Трудовики во всѣхъ этихъ приготовленіяхъ играли не послѣднюю роль. Сами по себѣ, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, они также были только въ узлѣ. Ихъ перепутали и сплели другъ съ другомъ нитями, которыя были внѣ Думы, при чемъ, конечно, очень скоро оказалось, что уже и сами они не въ состояніи разобрать, въ чьихъ собственно рукахъ какія нити. Возбуждая одинъ другого, они, естественно, должны были вообразить себя какъ бы членами одного единенія, которое каждому изъ нихъ казалось тѣмъ болѣе могущественнымъ, чѣмъ больше каждый изъ нихъ ставилъ на карту...

Мудрено ли, если послѣ роспуска Думы, съ одной стороны, многіе трудовики уже не рисковали вернуться на родину, а съ другой, большинство ихъ стало одинъ за другимъ попадаться въ политическихъ преступленіяхъ? Всѣ они, т. е. тѣ, кто еще недавно кричалъ, что за ними весь народъ, и кто этимъ крикомъ возбуждающе дѣйствовалъ на тотъ же народъ,—всѣ они, казалось бы, именно въ народѣ и должны были встрѣтить особое сочувствіе по случаю роспуска Думы. Съ этимъ многіе изъ нихъ и бросились къ себѣ домой. Но дѣйствительность сразу окатила ихъ ушатомъ ледяной воды. Обѣщали дать землю—гдѣ она? Говорили, что «старое начальство» ушло—между тѣмъ самихъ прогнали. Сулили золотыя горы—вышло, что сами должны теперь прятаться отъ полиціи... Народъ сразу и очень вѣрно оцѣнилъ положеніе и поднялъ своихъ еще вчерашнихъ героевъ на-смѣхъ, а въ иныхъ случаяхъ обратился противъ нихъ съ нескрываемымъ раздраженіемъ. Нѣкоторыхъ пытались бить, другимъ пришлось бѣжать, куда глаза глядятъ, многіе предпочли даже окончательно ликвидировать дѣла на родинѣ и скрыться. Герои—что и говорить!..

Тѣ, кто остался или вообще болѣе или менѣе благополучно перенесъ эту первую волну народнаго раздраженія, оглядѣвшись кругомъ, сунувшись сюда-туда, должны были увидѣть, что все равно корабли сожжены и что остается имъ только дальше и дальше идти все по той же наклонной плоскости. Тогда началось опредѣленное стремленіе «отомстить», показать себя, показать себя тѣмъ, кто тамъ, въ раззолоченныхъ мундирахъ, не испугался ихъ, предтечей великаго Хама, и съ такимъ позоромъ разогналъ... Разогналъ, какъ разгоняютъ мышей, забывшихъ всякую осторожность...

Что же дѣлать? Конечно, агитировать, возбуждать, организовывать, вообще «доказать». Но нѣтъ уже былой «неприкосновенности», да и власть взялась, наконецъ, за умъ. Поняли, что даже и плохими щепками, если ни на что не обращать вниманія, можно устроить какой угодно пожаръ. Было бы утомительно перечислять все, что въ этомъ отношеніи уже опредѣлилось, но кое-какіе примѣры приведемъ. Кстати, прибавимъ, что заимствуемъ ихъ изъ особаго изданія, принадлежащаго перу одного изъ поклонниковъ первой Думы, г. Брусянина.

Вятскіе депутаты, т. е. Кузнецовъ, Садыринъ, Тумбусовъ, Огневъ,—словомъ, чуть ли не всѣ,—изображаются въ этомъ изданіи, какъ мученики за свободу. Что же продѣлывали эти мученики? Кузнецовъ, вернувшись послѣ роспуска Думы домой, сталъ устраивать митинги, а остальные всѣ, кто арестованъ, кто высланъ, по деликатному выраженію г. Брусятина, за «попытку» устроить «собесѣдованія» съ крестьянами. Но невиннѣе всѣхъ Кукановъ. Онъ, старый, испытанный революціонеръ, вдругъ, ночью, ни съ того ни съ сего, отправленъ подъ стражу и даже переведенъ въ тюрьму. Г. Брусянинъ увѣряетъ, что несправедливость администраціи въ данномъ случаѣ зашла такъ далеко, что пострадалъ человѣкъ, даже «собесѣдованій» съ крестьянами не пытавшійся устраивать. Г. Брусянину, добавимъ, извѣстно также, что крестьяне Малоархангельскаго уѣзда ходятъ одинъ за другимъ и говорятъ: «не случись ночью, когда всѣ спали, безъ боя не выдали бы своего депутата». Видите, какъ вѣрятъ въ его невинность! Но кто эти такъ говорящіе крестьяне? Студенты-евреи, всегда окружавшіе Куканова?

Пострадалъ и уфимскій депутатъ Сыртлановъ: губернаторъ, по словамъ все того же г. Брусянина, вызвалъ Сыртланова къ себѣ, не подалъ ему руки и даже не по-

просилъ сѣсть. А Сыртлановъ обидѣлся?! Гдѣ же его революціонность?

Пострадалъ и Брянскій депутатъ Бибиковъ. Конечно, онъ также ни въ чемъ неповиненъ, но пришли, взяли его и увезли. Народъ хотѣлъ ударить въ набатъ. До того былъ возмущенъ. Но не ударилъ. Народъ рѣшилъ вырвать его изъ рукъ конвоя. Но передумалъ. Словомъ, это еще одна любопытная страница все изъ той же исторіи трудовой группы и ея отношеній къ народу, а также и отношеній народа къ ней.

О томъ, какъ арестовали депутата Недоноскова въ Уральскѣ, авторъ цитируемой книги пишетъ нѣсколько страницъ. Весь городъ былъ за Недоноскова, но врѣзались въ толпу казаки, и невинный депутатъ, никогда не помышлявшій о революціи, былъ звѣрски схваченъ и увезенъ. «Весь городъ, какъ одинъ человѣкъ, вздрогнулъ». Но вздрогнулъ и... пересталъ дрожать...

Мы нарочно привели эти нѣсколько выдержекъ, чтобы показать, какъ еще до сихъ поръ вся эта человѣческая накипь продолжаетъ топорщиться и изображать изъ себя и изъ своихъ вождей что-то, дѣйствительно будто бы напоминающее общественныхъ и политическихъ дѣятелей. Просто—мелкіе агитаторы, которые, повинуясь своимъ руководителямъ, играютъ роль полусознательнаго орудія и безъ нужды увеличиваютъ своей политической дѣятельностью хлопоты мѣстныхъ полицейскихъ чиновъ...

Но, повторяемъ, большинству трудовиковъ терять дѣйствительно нечего. Если и раньше они оттого и дѣлались «трудовиками», что имъ море по колѣна, то теперь въ особенности понимаютъ они, что имъ нечего ждать. Даже тѣ немногіе изъ нихъ, которые настолько сообразительны, чтобы не вѣрить въ серьезный успѣхъ своихъ затѣй, всетаки видятъ улучшеніе своего положенія не въ постепен-

номъ и мирномъ развитіи страны, а въ смутѣ, въ продолженіи смуты во что бы то ни стало. Какъ-никакъ, но смута ихъ кормитъ. Тѣ заработки, которые выпадаютъ имъ на долю, когда они выступаютъ не въ качествѣ учителей, волостныхъ писарей, слесарей, а въ качествѣ представителей разныхъ группъ, комитетовъ, въ качествѣ уполномоченныхъ или ораторовъ, конечно, много выше, чѣмъ все, что можетъ дать имъ, даже при исключительно счастливыхъ обстоятельствахъ, ихъ профессія. Что же сказать объ остальныхъ, объ этой массѣ сѣрыхъ людей, которыхъ вдругъ втянуло въ водоворотъ и завертѣло, какъ мелкій соръ? Они до этого своего несчастья едва считали до ста, о Божьемъ мірѣ знали только то, о чемъ было слышно въ родномъ околодкѣ, общественнымъ вопросамъ поучались изъ обрывковъ случайно доходившихъ газетъ. Но вотъ пришелъ еврей-студентъ или горящій ненавистью Аникинъ, или какой-нибудь Недоносковъ и «озарилъ». Накатываетъ на человѣка «сознательность», какъ на хлыста его безуміе, и сразу въ головѣ образуется невообразимый хаосъ. Человѣкъ загорается и дымитъ, коптитъ, вспыхиваетъ, разгорается. Онъ вѣритъ, хоть и не понимаетъ. Тому, что онъ раньше понималъ, онъ перестаетъ вѣрить, а въ то, что онъ понять никакъ не можетъ, онъ вѣритъ. Ясно, что такой уже погибъ.

Погибъ онъ и для себя, и для родины, и даже для того небольшого круга людей, которому до тѣхъ поръ былъ полезенъ, да могъ бы быть полезенъ и впредь. Рано или поздно, о немъ будутъ писать въ революціонныхъ изданіяхъ, какъ о новой «жертвѣ» произвола, но на него уже надо смотрѣть, какъ на конченнаго человѣка. Да онъ и самъ смотритъ на себя, какъ на конченнаго человѣка, и чѣмъ ему яснѣе это, тѣмъ дальше и дальше идетъ онъ

по тому новому пути, на который толкнула его рука еврея-студента или [illegible] [illegible] Аникина...

Такимъ образомъ, мы вовсе не думаемъ, что трудовики уже сыграли свою роль. Неизбѣжно помириться, что эта язва въ организмѣ нашей родины не поддается быстрому излеченію. Эта язва, быть можетъ, будетъ мѣнять названія, будетъ принимать разныя формы, но она еще долго будетъ давать себя чувствовать. Ее питаютъ всѣ тѣ соки, которыя, по различнымъ обстоятельствамъ, не могутъ или не хотятъ идти на правильное питаніе организма. Это та дурная кровь, которая всегда приливаетъ къ больному мѣсту. А вѣдь въ организмѣ страны, къ сожалѣнію, не мало такихъ мѣстъ.

Съ фактомъ надо мириться. Задача лишь въ томъ, чтобы не давать развиваться язвѣ и не позволять ей пускать корни въ глубь. И этой опасности, смѣемъ думать, русская земля избѣжитъ. Сами «дѣятели» значительно помогли этому. Они слишкомъ рано и слишкомъ опредѣленно раскрыли свою подоплеку и вызвали противъ себя въ такой мѣрѣ ясное и очевидное раздраженіе, что всѣ ихъ усилія оправдаться уже и сейчасъ не приводятъ ни къ чему. Будемъ надѣяться, что еще долго не будутъ ни къ чему приводить.

Извѣстно наблюденіе, что, когда послѣ разлива рѣки вода спадаетъ, на низинахъ остаются водоемы. Они не глубоки, но быстро загниваютъ и превращаются въ отвратительныя болота. Не то ли самое и здѣсь? Трудовики явились въ качествѣ одной изъ волнъ, хлынувшихъ на страну вмѣстѣ съ прорывомъ плотины. Казалось, что еще одно усиліе, и страна будетъ затоплена. Но вода спала. Остались на низинахъ болота и болотца. Сколько бы ихъ ни было, этихъ очаговъ разложенія и гніенія, земля все

переработаетъ со временемъ. Пока совершается этотъ великій процессъ, идетъ своимъ чередомъ стремленіе болотной атмосферы заразить все кругомъ. Но не заразитъ. Потребность жить и дышать непремѣнно свѣжимъ воздухомъ и бороться противъ болотныхъ испареній слишкомъ сильна въ людяхъ. И эта потребность побѣдитъ зловредную работу болотныхъ газовъ...

Такова наша вѣра... Такова должна быть вѣра каждаго, кто любитъ Россію, эту изстрадавшуюся мученицу...

Складъ изданія въ книжномъ магазинѣ „Новаго Времени"
С.-Петербургъ, Невскій, 40.

